

Удержимость
Трезубца:
Принадлежащая троим

Nyx_Rae

**Одержимость Трезубца:
Принадлежащая троим. Книга 2**
Серия «Одержимость Трезубца:
Принадлежащая троим», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=742617260101

Содержание

Глава 51: Думаешь, крылья отросли, мусор?	5
Глава 52: Пятно, которое никто не мог отстирать	16
Глава 53: Я сегодня видел Лидию	25
Глава 54: Выше голову, ты уже не та девушка	33
Глава 55: Месишь по яйцам	46
Глава 56: Хотите попробовать, мисс Вейл?	58
Глава 0057: Неужели вам так не терпится нас увидеть?	70
Глава 58: Ты принадлежишь самому себе	78
Глава 59: Особенно когда это касается тебя	91
Глава 60: Почему они не хотят оставить меня в покое?	101
Глава 61: Ей не было суждено стоять рядом со мной	107
Глава 62: Ты всего лишь прошлое	114
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Одержимость Трезубца: Принадлежащая троим

Глава 51: Думаешь, крылья отросли, мусор?

От лица Серафины

Этот толчок не должен был ничего значить.

Толчок. Спотыкание. Полсекунды неловкости, прежде чем мир снова встанет на свои места. Именно так и бывает, когда сталкиваешься с незнакомцем в коридоре... извиняешься, идешь дальше, забываешь.

Но это?

Это было другое.

В тот миг, как моё плечо ударилось о её, я поняла. Еще до того, как подняла голову, до того, как увидела ее лицо, до того, как слова сорвались с ее губ, мое тело узнало ее. Кожу покалывало, желудок ухнул вниз, а что-то глубоко в груди скрутилось, словно нож, провернувшийся в ране, о которой я и забыла.

Воздух вокруг нас, казалось, сгустился, давя со всех сторон, тяжелый и удушающий, словно комната внезапно сжалась до размеров гроба.

Я подняла голову.

И тогда я увидела ее.

Время остановилось.

Не замедлилось. Не встало на паузу. Остановилось.

Мир по краям расплылся, звуки офиса... щелчки клавиатур, звонки телефонов, дыхание Роуз рядом со мной – всё это растворилось в глухом, далеком гуле. Была только она. Только это лицо. Только эти глаза... темные, пронзительные, всезнающие, расширившиеся от шока, когда они встретились с моими. Ее губы слегка приоткрылись, словно ее ударили, словно она тонула.

И я знала, что она тоже это видит... узнавание, прошлое, груз всего недосказанного между нами.

Мы заговорили одновременно.

Два слова.

Два слога.

– Это ты.

Звук ее голоса, того самого голоса, который я так старалась забыть, который годами преследовал меня во снах, пронзил меня резким электрическим разрядом. В ее тоне было не просто удивление. Это был ужас. Это была ярость. Это был звук захлопнувшейся двери, щелкнувшего замка, капкана, из которого я так долго пыталась выбраться и который теперь захлопнулся вокруг меня.

Она сделала шаг назад.

Я – нет.

Я не могла.

Мое тело отказывалось двигаться, ноги будто вросли в пол, словно меня залили в мрамор. Я чувствовала Роуз рядом, ее присутствие было теплым, надежным якорем в этом

шторме, но я не могла на нее посмотреть. Я не могла дышать.

Все, что я могла, – это смотреть на женщину передо мной, на то, как слишком быстро вздымалась и опадала ее грудь, как ее пальцы сжимались в кулаки по бокам, как ее глаза горели чем-то первобытным и уродливым.

Ненависть.

Страх.

Триумф.

Она знала, что это значит.

Я знала, что это значит, и ни одна из нас не собиралась отступить.

Тишина между нами была живым существом, потрескивающим чем-то опасным, живым. Я чувствовала ее на вкус – напряжение, прошлое, незаконченное дело, повисшее в воздухе, словно лезвие над нашими головами. Пульс стучал в ушах, пальцы подергивались, так и чесались наброситься, защититься, уничтожить.

Но я не двигалась. Я просто стояла, впившись в нее взглядом, с медленной, осознанной улыбкой – лезвием бритвы, завернутым в шелк.

– Давно не виделись, – сказала я низким, сладким голосом.

Слишком сладким.

Таким сладким, что он обещал яд.

Ее ноздри дрогнули, едва заметно.

Но я это увидела.

Я увидела, как напряглись ее челюсти, как дернулись пальцы, как метнулись глаза, словно она раздумывала, закричать или улыбнуться. Словно пыталась решить, драться или бежать. И, о, разве это не было восхитительно? Ведь я уже знала ответ. Она не сбежит. Не от этого. Не от меня.

– Серафина.

То, как она произнесла мое имя – словно проклятие, словно вызов, – послало дрожь по моей спине. Не страх. Предвкушение. Потому что это? Это был тот самый момент, которого я ждала. Момент, о котором я мечтала. Момент, когда прошлое столкнулось с настоящим, когда пришло время платить по счетам, когда игра наконец-то началась.

Я слегка склонила голову набок, моя улыбка не дрогнула.

– Скучала по мне?

Ее губы скривились.

Это была не улыбка.

А усмешка.

– Как по мигрени, – выплюнула она.

Эти слова должны были уязвить.

Но не уязвили.

Они лишь разожгли меня.

Воздух между нами был живым существом... густым, удушяющим, потрескивающим от такого напряжения, что у меня покалывало кожу, а пульс ревел в ушах, как шторм. Я чувствовала его на вкус – ярость, прошлое, незаконченное дело, повисшее между нами, словно лезвие на ниточке.

Она стояла, выпрямившись, как струна, ее подбородок был приподнят ровно настолько, чтобы дать понять, что она считает себя выше меня. Ее глаза, эти чертовы глаза, темные и острые, как осколки стекла... они прошлись по мне так, словно я была чем-то, что она соскребла с подошвы своих дизайнерских туфель.

И, о, как же я это обожала. Как я этим упивалась. Потому что ничто не разжигало мой огонь так, как пренебрежение.

Она не двигалась.

И я тоже.

Мы просто стояли, сцепившись в безмолвной битве воли – такой, которой не нужны слова, чтобы ранить глубоко. Такой, что жила в сжатых челюстях, раздувающихся ноздрях, в том, как ее пальцы подергивались по бокам, словно ей не терпелось дать мне пощечину. Но она этого не сделает. Пока нет. Потому что она, как и я, знала, что это не просто столкновение в коридоре. Это был первый удар в войне, из которой ни одна из нас не выйдет невредимой.

А потом она усмехнулась.

Это была медленная, намеренная усмешка: ее губы скривились ровно настолько, чтобы показать зубы, а взгляд скользнул по мне, словно я была чем-то ниже ее достоинства. Словно я была помехой. Ничем. И, о, как это жгло. Как это питало меня. Потому что я всю жизнь мирилась с тем, что меня недооценивают, списывают со счетов, обращаются со мной как с ничтожеством. И каждый раз я восставала из

пепла еще сильнее. Каждый. Чертов. Раз.

– О, – произнесла она голосом, сочащимся снисхождением, таким тоном, что хотелось плюнуть ей в кофе, – кто впустил сюда этот мусор?

Слова повисли в воздухе между нами – уродливые и намеренные, призванные уязвить, ранить. Но я не дрогнула. Не отреагировала. Я лишь улыбнулась – медленно, опасно, той улыбкой, что обещала возмездие.

– Не говорите мне, – продолжила она голосом, гладким, как отравленный мед, ее глаза метнулись по мне, словно она оценивала пятно на своей любимой блузке, – вы здесь работаете?

Я сделала шаг ближе.

Всего один.

Но его было достаточно.

Достаточно, чтобы у нее перехватило дыхание, чтобы в ее глазах мелькнуло что-то первобытное – страх, может быть, или ярость, или зарождающееся осознание того, что она только что вошла в клетку с чем-то куда более опасным, чем рассчитывала.

– И что, если так? – пробормотала я низким, сладким голосом... слишком сладким, таким, что обещал яд. – Что вы сделаете, дорогая? Уволите меня?

Ее улыбка дрогнула.

Лишь на секунду.

Но я это увидела.

Я увидела, как ее пальцы сжались в кулаки, как дернулся кадык, как ее глаза потемнели от чего-то уродливого. Она не привыкла, чтобы ей бросали вызов. Она не привыкла к неповиновению. И, о, как это меня будоражило.

– Итак, – произнесла она голосом, острым, как лезвие, – какая у вас должность? Уборщица? Потому что, честно говоря, мы обе знаем, что на большее вы не способны.

Я чувствовала Роуз рядом, ее теплое и уверенное присутствие, и как у нее вырвался едва заметный смешок, который она тут же прикрыла кашлем. Но я не посмотрела на нее. Мне это было не нужно. Потому что это? Это было между мной и женщиной передо мной, между прошлым и настоящим, между долгом, который она мне задолжала, и возмездием, о котором я мечтала.

Я сделала еще один шаг ближе.

Достаточно близко, чтобы разглядеть легчайшую присыпку пудры на ее ключице, то, как пульс бился у нее на горле. Достаточно близко, чтобы почувствовать ее запах – что-то цветочное, дорогое, что-то, что слишком старалось скрыть аромат чего-то куда менее приятного. Страха, может быть. Или ярости.

– О, милочка, – протянула я, мой голос – темная ласка, обещание, завернутое в шелк, – если бы я была уборщицей, ты и вправду думаешь, что я стояла бы здесь? В этом коридоре? В этот час?

Ее дыхание сбилось.

Я это увидела.

Я увидела, как слишком быстро вздымалась и опадала ее грудь, как дернулись пальцы, как забегали глаза, словно она искала выход, словно впервые осознавала, что, возможно, только что попала в ловушку, из которой ей не выбраться хитростью.

– Нет-нет, – продолжила я, моя улыбка не дрогнула, а взгляд был прикован к ее глазам, – я думаю, это ты здесь заблудилась.

Она не ответила.

Словами – нет.

Но ее глаза... о, ее глаза пылали. Яростью. Ненавистью. Той яростью, что приходит лишь тогда, когда понимаешь, что тебя переиграли. И я обожала это. Я упивалась этим. Потому что это? Это был тот самый момент, которого я ждала. Момент, когда прошлое столкнулось с настоящим, когда пришло время платить по счетам, когда игра наконец-то началась.

А потом она рассмеялась.

Это был холодный, резкий смех, от которого хотелось съежиться, смех, что обещал боль.

– Ты думаешь, что умная? – сказала она низким, ядовитым тоном. – Думаешь, что особенная? Но позволь мне кое-что сказать тебе, мразь. Такие, как ты? Вас пруд пруди. Вы приходите и уходите, и никто даже не помнит вашего имени.

Я не шелохнулась.

Я не дрогнула.

Я лишь улыбнулась... медленной, опасной улыбкой, что обещала гибель.

– О, дорогая, – пробормотала я, мой голос – темная ласка, угроза, завернутая в мед, – ты понятия не имеешь, как сильно ошибаешься.

А потом я отступила назад.

Совсем немного.

Ровно настолько, чтобы впустить воздух обратно, чтобы на секунду дать ей подумать, что она, возможно, победила. Что она заработала очко. Что она, возможно, победила, но это было не так. Даже близко нет. Потому что это? Это было только начало.

Ее лицо исказилось, губы скривились в оскале, глаза сверкнули чем-то первобытным и уродливым, словно только что вскрытая рана. Она подалась вперед, ее голос превратился в ядовитое шипение, каждое слово было достаточно острым, чтобы пустить кровь, будь у нее такая возможность.

– Ты думаешь, это игра? – выплонула она, ее пальцы дрожали по бокам, костяшки побелели от усилия сдержаться. – Думаешь, можешь просто ввалиться сюда с этой ухмылкой и таким видом и вести себя так, будто тебе здесь место? – Она издала холодный, надтреснутый смешок, обещавший боль. – Жду не дождусь, когда ты опозоришься. Когда все увидят, кто ты на самом деле.

Я не шелохнулась.

Я не дрогнула.

Я лишь склонила голову набок, моя улыбка не дрогнула, а взгляд был прикован к ее глазам, как у хищника, наблюдающего, как его добыча осознает, что уже попала в ловушку.

– Будешь ждать, пока не состаришься и не поседеешь, дорогая, – промурлыкала я, мой голос был гладким, как шелк, а тон сладким... слишком сладким, таким, что обещал гибель. – Потому что этого? Этого никогда не случится.

Роуз не выдержала.

Из нее вырвался звонкий, неконтролируемый смешок, и ее рука взметнулась ко рту, словно она могла запихнуть звук обратно. Но было слишком поздно. Смех выплеснулся наружу, эхом прокатившись по коридору, отскакивая от мраморных стен, словно вызов. Даже проходившие мимо люди... какой-то стажер с кипой документов, секретарша с кофе в руке – остановились, их взгляды метались между нами, губы подергивались, прежде чем они быстро отводили глаза, а плечи тряслись от сдерживаемого смеха.

Лицо женщины вспыхнуло.

Не от смущения.

От ярости.

Ее кулаки сжались по бокам, ногти впились в ладони так сильно, что я видела красные полумесяцы, а дыхание стало частым и резким, словно она захлебывалась в собственной ярости. Она сделала шаг ближе, ее голос превратился в рычание, а слова прозвучали как клятва.

– Ты пожалеешь об этом, – прошипела она, ее глаза пылали, а голос дрожал от веса обещания. – Думаешь, у тебя крылья выросли, мразь? – Она наклонилась ближе, ее горячее дыхание коснулось моего лица, а слова стали лезвием. – Но я напущу тебе, насколько низко твое место.

Глава 52: Пятно, которое никто не мог отстирать

От лица Серафины

– Но я напомним тебе, насколько ты низка.

Я не двинулась.

Я не отреагировала.

Я просто наблюдала за ней: за тем, как вздымалась её грудь, как подрагивали её пальцы, как её гордость боролась со страхом. Наблюдала, как она сделала шаг назад, и её каблуки резко застучали по мрамору, а звук эхом отозвался в тишине, словно выстрел.

А потом она развернулась.

И ушла.

Её спина была прямой, шаги – резкими, осанка кричала о непокорности, но я это видела. Видела, как едва заметно дрожали её плечи. Как пальцы сжимались в кулаки по бокам. Как в глубине души, там, где всё горело, она знала, что только что проиграла.

А я?

Я просто стояла на месте.

Моя улыбка не дрогнула.

Мой взгляд не отрывался от того места, что только что покинула Лидия, словно её отсутствие было раной, всё ещё

кровоточащей на полированный мрамор у меня под ногами. Воздух всё ещё гудел отголосками её ярости, от того, как её голос щёлкнул, словно хлыст, от того, как её глаза горели чем-то настолько уродливым, что это должно было бы оставить шрам. Но не оставило.

Ничто из того, что делала Лидия, не могло. Потому что я потратила целую жизнь, превращая её ненависть в броню, её жестокость – в топливо, а каждое её оскорбление – в причину подняться выше, ударить сильнее, победить.

Пальцы Роуз коснулись моей руки – нерешительно, словно она боялась, что я разобьюсь, если она надавит слишком сильно.

– Фина, – пробормотала она. Её голос был мягким, но с ноткой того любопытства, которое появлялось лишь тогда, когда она чувствовала, что я о чём-то умалчиваю. – Что это, чёрт возьми, было?

Я медленно повернулась к ней, всё ещё улыбаясь, но теперь улыбка была другой... мягче, острее, из тех, что появляются, лишь когда стоишь над пеплом того, кто думал, будто сломал тебя. Я покачала головой – всего раз, – движение было осознанным, пренебрежительным.

– Просто кое-кто, не имеющий значения, – сказала я лёгким голосом, словно Лидия была не более чем пылинкой, которую я уже смахнула с плеча.

Брови Роуз приподнялись.

Лишь на самую малость.

Но я это увидела.

Я увидела, как сузились её глаза, как приоткрылись её губы, словно она собиралась возразить, как её взгляд метнулся в конец коридора, куда умчалась Лидия, чьи каблуки цокали по мрамору, как выстрелы.

Она слишком хорошо меня знала. Знала, что я не отмахиваюсь от людей, если только они уже не доказали, что недостойны моего времени. Знала, что то, как мои пальцы сжались в кулаки, как моя улыбка стала тонкой, словно лезвие, как мой голос опустился до чего-то тёмного и многообещающего, – ничто из этого не предназначалось для того, кто не имел значения.

– Сомневаюсь, – сказала Роуз. Её голос был сухим, а тон – знающим. Она скрестила руки на груди, впившись в меня взглядом с такой силой, что стало ясно: она от этого не отступится.

– Судя по тому, как она говорила? Как она на тебя смотрела? – Она медленно, осознанно покачала головой. – Тут определённо что-то большее. В ней. И в тебе.

Я выдохнула.

Медленный, размеренный выдох – из тех, что дарят ровно столько времени, чтобы решить, сколько сказать. Сколько раскрыть. Потому что Роуз была не просто моей ассистенткой. Она была моей подругой. Той, что видела меня в худшие моменты и всё равно оставалась рядом. Той, что знала вес моего молчания, глубину моей ярости, причину, по ко-

торой я возвела стены так высоко, что никто другой не мог их одолеть.

– Узнаешь в своё время, – тихо сказала я, мой взгляд снова метнулся в конец коридора, где исчезла Лидия, словно я всё ещё могла её видеть, всё ещё чувствовала призрак её яда, витающий в воздухе. Я снова повернулась к Роуз, и улыбка вернулась, но теперь она была другой. Не столько клинок, сколько щит.

– А теперь. За работу.

Она долго изучала меня взглядом.

Её глаза что-то искали, выражение лица было непроницаемым.

Но она не стала настаивать.

Она лишь кивнула – один раз, резко – и поравнялась со мной, когда мы повернули к офису. Наши каблуки застучали в унисон по мрамору – ровный, знакомый звук, ритм, который удерживал меня на плаву, когда прошлое грозило утянуть на дно.

Воспоминание было сродни физическому удару.

Не проблеск. Не шёпот.

Волна.

Накрывающая с головой, утягивающая на дно, топящая в той боли, которая не просто ранила – она определяла. С Лидией всегда было так. Всегда. Один взгляд, одно слово, один брошенный вскользь взор – и вот мне снова двенадцать, я стою на школьном дворе, мои пальцы дрожат, грудь ноет,

а сердце снова и снова разбивается на куски.

Я видела всё как наяву.

Как солнце низко висело в небе, отбрасывая длинные, тянущиеся тени на потрескавшийся асфальт, как в воздухе пахло мелом, потом и слабым металлическим привкусом крови оттого, что я прикусила щёку изнутри, чтобы не заплакать.

Большинство детей уже забрали; их смех затихал вдали, рюкзаки качались за спиной, а мамы ждали их с распростёртыми объятиями и тёплыми улыбками. Но не моя. Моя мама работала. Она всегда работала. И я это знала. Я понимала. Поэтому я ждала. Одна. Как и всегда.

И тут я увидела его.

Моего дядю.

Отца Лидии.

Он подъехал на своей лоснящейся чёрной машине – из тех, что блестят даже в тускнеющем свете, из тех, что кричат о богатстве, власти и важности. А рядом с ним сидела Лидия: её школьная форма была безупречной, волосы – идеально заплетены, а улыбка сияла, пока она махала подругам, и её смех звенел, как колокольчик.

Она увидела меня первой. Конечно же. Её взгляд впился в мой, и в нём мелькнуло что-то тёмное... что-то злобное, что-то голодное. Она наклонилась, прошептала что-то отцу, а затем... указала на меня.

И мой дядя посмотрел.

Всего на секунду.

Но этого было достаточно.

Достаточно, чтобы увидеть, как его губы скривились, совсем чуть-чуть, в отвращении. Достаточно, чтобы увидеть, как его взгляд прошёлся по мне... моя форма помята, туфли поцарапаны, волосы выбились из косичек дикими, непослушными локонами, словно я была чем-то грязным, чем-то ненужным. Достаточно, чтобы увидеть, как он кивнул, всего раз, прежде чем повернуться обратно к Лидии и взъерошить ей волосы, словно она была чем-то драгоценным, чем-то достойным.

А потом двинулась Лидия.

Она зашагала ко мне, её шаги были размеренными, улыбка – острой, из тех, что обещают боль. Я стояла там, оцепенев, сердце колотилось, а пальцы вцепились в лямки рюкзака, будто только он один не давал мне утонуть. Я знала, что сейчас будет. Я всегда знала. Но от этого было не менее больно.

– Посмотри на себя, – усмехнулась она так громко, что те немногие дети, что ещё ждали свой транспорт, обернулись. Их глаза расширились, а шёпот начался ещё до того, как она закончила говорить. – Всё ещё здесь, да? Всё ещё ждёшь? – Она склонила голову набок, её взгляд скользнул по мне так, будто я была чем-то, что она соскребла с подошвы своей туфли. – Жалкая.

Я не ответила.

Я не могла.

Потому что слова ранили. Потому что их правда обжигала. Потому что я всё ещё ждала. Потому что моя мама опаздывала. Потому что я была девочкой, которую никто не хотел признавать своей.

Лидия сделала шаг ближе.

Достаточно близко, чтобы я почувствовала её запах – что-то сладкое, что-то дорогое, аромат, который заявлял о привилегиях, принадлежности, ценности. Достаточно близко, чтобы я увидела, как блеснули её глаза, как скривились губы, как она жила ради таких моментов. Моментов, когда она могла напомнить мне, могла показать всем, насколько я ничтожна. Насколько нежеланна.

– Знаешь, – сказала она, понизив голос до шёпота – такого, что разносился ровно настолько, чтобы все услышали, – моя бабушка всегда говорит, что это из-за тебя от моей тётки отреклись. – Она наклонилась ближе, её горячее дыхание коснулось моего уха, а слова были подобны лезвию. – Пятно, которое никто не смог отстирать.

И тогда начался смех.

Сначала несколько смешков.

Потом больше.

Потом шёпот:

– Слышали?

– Это та самая незаконнорождённая, да?

– Та, что никому не нужна?... – словно хор ножей, и каж-

дый резал всё глубже.

Я сжала кулаки.

Ногти впились в ладони так сильно, что выступила кровь. Но я не заплакала. Я никогда не плакала. Не перед ней.

Лидия это увидела.

Как дрожали мои руки. Как сбилось дыхание. Как я отказывалась отводить взгляд.

И она улыбнулась.

– О-оу, – проворковала она, её голос сочился фальшивым сочувствием, а рука потянулась, чтобы погладить меня по голове, словно я была собакой, питомцем, кем-то ниже её. – Бедняжка. Всё ещё совсем одна, да?

В тот момент я сорвалась.

Не словами.

Не слезами.

Я ударила.

Мой кулак врезался ей в плечо – удар был резким, боль – острой. Он не был сильным. Его было недостаточно. Но это было хоть что-то. Неповиновение. Протест. Отказ позволить ей увидеть, как я сломалась.

Лидия пошатнулась.

Всего на шаг.

Но этого было достаточно.

Достаточно, чтобы смех прекратился. Достаточно, чтобы шёпот затих. Достаточно, чтобы её отец посмотрел. И то, что я тогда увидела в его глазах... было не гневом, не шоком.

Это было разочарование.

Не в Лидии.

Во мне.

Словно я доказала то, о чём он всегда подозревал. Словно я подтвердила, что была именно такой, какой они меня всегда называли... дикой. Неуправляемой. Недостойной.

– Лидия, – сказал он спокойным, холодным тоном, – не опускайся до её уровня.

А потом он развернулся и ушёл. Забрав с собой Лидию. Оставив меня стоять там. Одну. Снова.

Глава 53: Я сегодня видел Лидию

От лица Серафины
Воспоминание жгло.

Даже сейчас.

Даже спустя столько лет.

Я всё ещё чувствовала это... унижение, ярость, боль от того, какой я была маленькой, беспомощной, нежеланной. Но я больше не та девочка. Теперь я позаботилась о том, чтобы каждый раз, когда Лидия смотрела на меня, она видела доказательство своего провала.

Голос Роуз вернул меня в реальность.

– Фина?

Я моргнула.

Офис обрёл чёткость: гул компьютеров, далёкие телефонные звонки, тихий шелест бумаг. Настоящее. Не прошлое. Не боль.

Я повернулась к ней.

Улыбка вернулась на моё лицо.

Мои стены снова на месте.

– За работу, – сказала я ровным голосом, тон которого не оставлял места для возражений.

Роуз долго изучала меня взглядом. Её глаза искали. Выражение лица было понимающим, но она не стала давить. Она просто кивнула.

И мы пошли, бок о бок. Я и девушка, которая видела меня в мои худшие моменты и всё равно решила остаться. Я и доказательство того, что я больше не одна.

А Лидия?

Лидия была всего лишь призраком.

Которого я уже похоронила.

Эта мысль осела в груди... сначала острая, потом тёплая, а затем исчезла, оставив после себя лишь едва заметное жжение. Потому что девочка, которая когда-то вздрагивала от тени Лидии, та, что кусала губу до крови, чтобы не заплакать, та, что стояла на школьном дворе с сердцем в горле, – была мертва.

А на её месте стояла женщина, которая превратила каждое «никогда», каждое «ты недостаточно хороша», каждое «тебе здесь не место» в огонь настолько яростный, что он выковал из неё нечто несокрушимое.

Они говорили, что из меня ничего не выйдет.

Семья моей матери... идеальные, избранные, те, кто, глядя на раздувшийся живот моей матери, видели лишь позор, стояли в огромной гостиной своей виллы, помешивая эспresso, будто это святая вода, и провозгласили это.

– Из этого бастарда никогда ничего не выйдет, – говорили они голосами, гладкими, как оливковое масло, пробегаясь по мне взглядом, словно я была пятном на их безупречных мраморных полах. – Она будет бременем. Ошибкой. Пятном на фамильной чести. Напоминанием о твоём грехе.

И моя мать слышала их. Она стояла там с позвоночником прямее кипарисов, обрамлявших подъездную дорогу, с высоко поднятым подбородком, сжав руки в кулаки по бокам, а её глаза горели такой яростью, что я чувствовала жар, исходящий от неё, словно от сицилийского полуденного солнца. Но она не проронила ни слова. Не тогда. Не им.

Потому что моя мать знала правила их мира. Знала, что споры лишь заточат ножи. Знала, что единственный способ победить – это уйти и построить нечто настолько ослепительное, что его будет невозможно игнорировать, и тогда они подавятся собственными словами.

И она это сделала.

Она работала на трёх работах, когда одна сломала бы большинство людей. Она штопала мои носки до крови на пальцах, зашивала мою форму вручную, когда расходились швы, заплетала мне волосы в четыре утра перед сменой в траттории, боролась за каждую стипендию, каждую возможность, каждый клочок уважения, который я когда-либо заслужила. Она превратила их неприятие в мою броню, а их презрение – в мою корону.

И когда я возвращалась домой со слезами на глазах... потому что так бывало, иногда, когда мир казался слишком тяжёлым, а их слова ранили слишком глубоко, она брала моё лицо в свои испачканные мукой ладони, большими пальцами стирая мои слёзы, и её голос был непреклонным.

– Послушай меня, принцесса, – говорила она, и её ласко-

вое прозвище окутывало моё сердце, словно щит. – Они хотят, чтобы ты верила, будто ты – ничто, потому что это заставляет их чувствовать себя королями. А ты? – Она наклонялась ближе, её тёмные глаза пылали, а хватка была такой сильной, что могла оставить синяк.

– Ты – всё, ради чего я проливала кровь. Всё, что я выбрала. И однажды ты войдёшь в комнату, и им придётся поклониться, чтобы просто посмотреть тебе в глаза. Ты будешь стоять так высоко, что им придётся задира́ть головы, чтобы посмотреть на тебя.

Я поверила ей.

Я цеплялась за эти слова, как утопающая за верёвку.

А теперь?

Теперь я была той женщиной, которой они боялись, что я стану.

Той, что входила в залы заседаний, и от одного её присутствия менялась атмосфера. Той, что носила свои шрамы как бриллианты, а своё прошлое – как дизайнерскую вещь. Той, что превратила их «никогда» в своё «всегда».

А мужчина, который отверг меня ещё до того, как я сделала свой первый вдох?

О, он был лишь ещё одним призраком.

Тем, кто упустил шанс узнать меня.

Тем, кто будет жалеть об этом до своего последнего, жалкого вздоха.

Офис был моим убежищем: стеклянные стены, отражаю-

щие городской пейзаж, гул клавиатур и далёкие разговоры – ровный ритм под пульсацию моих собственных мыслей. Я устроилась в кресле, чувствуя пальцами прохладную кожу, а тяжесть моей должности... Директор по операциям... была тихим напоминанием о том, как далеко я зашла.

Роуз уже принесла папки, её работоспособность была надёжна, как восход солнца, а присутствие – ровное тепло на краю моего зрения. Она на мгновение задержалась, испытующе глядя мне в глаза, словно хотела спросить, копнуть глубже, понять. Но не стала. Потому что Роуз знала правила. Знала, что некоторыми ранами не делятся. Знала, что некоторые битвы ведутся в тишине.

Я пролистала папки с наработанной лёгкостью, мой разум впитывал детали, которые определяют стратегию на следующий квартал. Но душа к этому не лежала. Не сегодня. Не тогда, когда ухмылка Лидии всё ещё висела в воздухе, словно вызов.

Потому что, если честно, я хотела отвлечься.

Я потянулась к телефону, прежде чем успела передумать. Экран засветился под моими пальцами, имя матери уже было открыто в контактах. Я на секунду замешкалась, потому что звонить ей посреди дня было рискованно.

Потому что она поймёт. Она всегда понимала. Она услышит напряжение в моём голосе, острые нотки в моих словах и набросится, как львица, защищающая своё дитя, которой она всегда была.

Но я всё равно набрала номер.

Потому что я хотела, чтобы она знала.

Потому что мне нужно было, чтобы она посмеялась вместе со мной.

Потому что некоторые победы слаще на вкус, когда делишь их с женщиной, которая сражалась за тебя со всем миром.

Раздался один гудок.

Второй.

А затем: – Принчипесса!

Её голос был как бальзам... тёплый, яркий, такой, что мог разогнать любые бури одним своим существованием. Я представила её, стоящую на кухне нашей квартиры, зажав телефон между плечом и ухом, пока она раскатывала тесто для пасты, и как её брови поднимаются, когда она видит моё имя на экране. Я улыбнулась, уже чувствуя облегчение, уже чувствуя себя дома.

– Ма, – сказала я, и мой голос стал мягче, чем за весь день, а напряжение в плечах ослабло от одного звука её голоса.

– А? – ответила она, и её тон мгновенно изменился... стал резким, всезнающим. – Звонишь мне посреди дня. Тебя что, наконец уволили за то, что дерзила генеральному директору?

Я рассмеялась, и смех вырвался из меня, словно солнечный свет.

– Разве дочь не может просто захотеть услышать голос ма-

тери? – поддразнила я, откидываясь на спинку кресла и вертя ручку между пальцами.

– М-м-м, – скептически протянула она. – Говори, Фина. Что случилось?

– Ничего не случилось, – быстро сказала я, потому что знала её. Знала, что если я позволю ей подумать, что мне больно, она всё бросит и сядет на ближайший рейс, уже мысленно протягивая руки, чтобы починить всё, что сломано. – Я просто... хотела тебе кое-что рассказать, но тебе придётся угадать.

– А, – сказала она голосом, который перешёл на тот самый тон, говоривший, что она уже вся во внимании. – Ты кого-то видела?

Я усмехнулась.

Потому что, конечно же, она знала.

Потому что женщина, которая родила меня, всю жизнь читала молчание между моих слов, слышала правду в том, о чём я умалчивала. Потому что она всегда знала, что имена, которые я не упоминала, были самыми важными.

– Может быть, – протянула я, растягивая слово и наслаждаясь тем, как она заёрзала на том конце провода, как её дыхание слегка сбилось, словно она уже готовилась к бою.

– Серафина Элиза Вейл, – предостерегающе произнесла она, и хотя голос был резким, под ним скрывался смешок. – Хватит испытывать моё терпение, говори.

Я снова рассмеялась, на этот раз громче, и смех заполнил

мой кабинет. – Ладно, ладно. Но не кричи, хорошо? Обещаешь?

– Ничего не обещаю, – сказала она, но я слышала улыбку в её голосе и то, как она уже вся подалась вперёд в предвкушении, её любопытство было почти осязаемым. – Давай, говори.

Я сделала вдох.

Медленно выдохнула.

А потом я произнесла слова, которые ждала возможности сказать с того самого момента, как ухмылка Лидии расколола воздух между нами.

– Я видела сегодня Лидию.

Тишина.

А потом: – ХА!

Звук был триумфальным... отрывистый смешок, резкий, яркий и полный того удовлетворения, которое приходит, только когда вселенная наконец-то преподносит тебе месть, которой ты жаждешь с того самого дня, как узнала, что такое вендетта.

– О, принцесса, – выдохнула она, задыхаясь от восторга, – а теперь ты обязана рассказать мне всё.

Глава 54: Выше голову, ты уже не та девушка

От лица Серафины

Остаток дня пролетел как в тумане.

Но не в том умиротворяющем смысле.

А в том странном, когда время идёт вперёд, а твой мозг отстаёт, словно подгружая реальность в замедленной съёмке.

В один миг я стояла в том коридоре, а в следующий уже сидела в своём кабинете за столом с открытым ноутбуком, аккуратно сложенными папками и ручкой в руке... притворяясь, что не рассыпаюсь на невидимые нити.

Я медленно выдохнула, уставившись на электронную таблицу перед собой.

Цифры. Колонки. Сроки. Безопасные вещи. Вещи, в которых был смысл. Я сглотнула и заставила себя сосредоточиться. Работа. Только работа. Если я зарююсь в неё достаточно глубоко, может, мои мысли перестанут метаться, как дикие звери.

В дверь тихонько постучали.

Два коротких стука.

Знакомых.

Я даже не подняла головы. — Входи, Роуз.

Дверь со скрипом приоткрылась, и она заглянула внутрь,

держа два стаканчика, словно мирное подношение. – Доставка кофе для генерального директора «Притворяюсь, что всё в порядке».

Я слабо хмыкнула и наконец подняла взгляд. – Ты уволена.

– Ты не можешь меня уволить, – сказала она, входя и ставя стаканчик рядом со мной. – Я знаю твои секреты.

– Это шантаж.

– Это верность, – мило поправила она.

Я обхватила стаканчик пальцами, позволяя теплу впитаться в ладони. До меня донёсся запах... крепкий, с лёгкой горчинкой, заземляющий.

– Спасибо, – пробормотала я.

Её взгляд тут же смягчился. – Ты выглядишь уставшей.

Я сделала глоток, выигрывая секунду. – Я и есть уставшая.

Это даже не было ложью.

«Эмоционально истощена» – было бы преуменьшением.

Она помедлила. – Что-то случилось после того инцидента в коридоре?

Конечно, она заметила.

Роуз всегда замечала.

Я слегка покачала головой, выдавив из себя слабую улыбку. – Никакой драмы. Просто... день и так уже выдался длинным.

Она изучала меня на секунду дольше, чем мне бы того хотелось.

Затем мягко кивнула. — Хорошо.

Никакого давления. Никаких допросов.

Просто тихое понимание.

Боже, как же я её за это любила.

— Я найду попозже, — тихо добавила она, пятясь к двери. —

Не уходи в штопор без меня.

— Я ухожу в штопор профессионально, — ответила я.

Она усмехнулась. — Это не обнадёживает.

И она выскользнула за дверь.

В комнате снова воцарилась тишина.

Слишком тихо.

Кондиционер над головой тихо гудел, смешиваясь с далёким гулом офисной жизни за стенами. Я смотрела на экран, но цифры снова начали расплываться, превращаясь в бессмысленные фигуры.

Я медленно выдохнула и потёрла висок.

Почему такое чувство, будто всё меняется разом?

Я не задумываясь потянулась за телефоном и рассеянно пролистала уведомления... электронные письма, напоминания, оповещения календаря.

После того телефонного разговора с матерью моя улыбка стала острее.

Я рассказала ей всё.

Не только о стычке, не только о том, как голос Лидии сочился снисхождением, словно отравленный мёд, но и о всей предыстории: о том, как её семья смотрела на меня, будто я

была пятном на их белоснежной скатерти, как они шептали «ублюдок», словно это было моё имя, как они клялись, что я никогда ничего не добьюсь.

И моя мама слушала. Слушала с тем огнём в голосе, который говорил, что она сожжёт весь мир дотла, если он посмеет снова причинить мне боль.

Я ничего не скрывала. Не пыталась казаться сильной. Я просто... говорила. А она слушала. Не перебивала. Не ахала картинно.

Просто слушала.

Когда я наконец замолчала, уставившись на край стола, она тихо произнесла:

– Подними голову, Серафина.

Я моргнула.

– Ты больше не та маленькая девочка, на которую они смотрели свысока, – продолжила она, и её ровный, но твёрдый голос, как всегда, пробирал до самых костей. – Теперь ты успешная женщина.

У меня сдавило горло.

Я сглотнула.

Она ещё не закончила.

– И если Лидия попробует выкинуть какой-нибудь из своих дурацких фокусов, – добавила она, и в её тоне появились более резкие нотки, – ты поставишь её на место.

У меня вырвался тихий смешок. – Mam...

– Я серьёзно, – настояла она. – Ты слишком много работа-

ла, чтобы оказаться там, где ты сейчас. Никто не смеет снова заставлять тебя чувствовать себя ничтожеством. Никто.

Чувства нахлынули так внезапно, что я вздрогнула.

Потому что она помнила. Она помнила всё. Ночи, когда я тихо плакала. Годы, когда сомневалась в себе. Те версии меня, которые я похоронила.

После этого мы ещё долго говорили.

О доме.

О том, каким тихим теперь казался дом.

– Как место может быть одновременно таким гулким и пустым? – тихо пробормотала она. – Твоя комната слишком чистая. Мне это не нравится.

У меня защемило в груди.

– Я скучаю по тебе, – прошептала я.

– А я по тебе – ещё больше, – тут же ответила она.

Мы говорили и о мелочах... о соседях, о случайных сплетнях, о растении, которое, по её заверениям, прекрасно росло, потому что она назвала его в мою честь.

– Ты назвала в мою честь растение?

– Оно отказывается умирать. Очень похоже.

Я рассмеялась, чувствуя, как щиплет в глазах. И на какое-то время... мне стало легче. Словно кто-то распахнул окно у меня в груди и впустил свежий воздух.

В конце концов, разговор закончился так, как и всегда.

Мягко.

Неохотно.

Полный любви, о которой нам не нужно было кричать.

– Поешь чего-нибудь, – приказала она, прежде чем повесить трубку.

– Слушаюсь, мэм.

– Спи нормально.

– Буду.

– И держи голову высоко.

– Обещаю.

На линии раздались гудки.

Тишина снова окутала меня. Но теперь она ощущалась иначе. Не тяжёлой. Не удушающей. Просто... тихой. Я ещё мгновение смотрела на телефон, прежде чем аккуратно положить его на стол.

На моих губах сама собой появилась медленная улыбка.

Потому что впервые за весь день у меня не сжималось в груди.

Впервые с самого утра я почувствовала... уверенность.

Словно я была потрясена не так сильно, как думала. Словно под всем этим хаосом всё ещё оставалась я. Я рассеянно снова взяла ручку и стала катать её между пальцами, пока в голове тихим эхом отдавались мамины слова.

Подними голову. Ты больше не та девочка.

Я медленно вдохнула.

И улыбнулась, а затем уронила ручку.

Тишина в моём кабинете была весомой.

Не умиротворяющей. Не той мягкой, обволакивающей ти-

шиной, что позволяет разуму дышать.

Нет.

Эта давила.

Она тяжело легла на плечи, осела в позвоночнике, обви-
ла пальцами шею, как невидимая рука, отказывающаяся раз-
жать хватку. Та тишина, что наступает, когда слишком мно-
гое происходит за слишком короткое время. Та, что застав-
ляет даже тиканье часов звучать обвиняюще.

Тик.

Так.

Тик.

Я уставилась на стопку папок перед собой так, словно они
лично меня оскорбили. – Я с вами покончу, – пробормотала
я себе под нос пересохшими губами, крепче сжимая ручку.

Слова прозвучали драматично.

Но с другой стороны... сегодняшний день и был драма-
тичным.

Слишком драматичным.

Между Роуз, которая буквально вибрировала от востор-
га, неожиданными встречами, эмоциональными звонками и
воспоминаниями, о которых я не просила, но в которые меня
всё равно затянуло, я к этому моменту держалась на чистой
силе воли и кофе.

Мой желудок тихо заурчал.

Я его проигнорировала.

– Нет, – твёрдо прошептала я. – Тебя не существует.

Снова урчание.

Я сжала губы и продолжила писать.

С утра солнце сместилось, и теперь свет падал сквозь высокие стеклянные окна, ложась на мой стол длинными золотистыми полосами. В воздухе медленно и лениво плавали пылинки, словно им было некуда спешить.

В отличие от меня.

В отличие от беспорядка на моём столе.

Я перевернула страницу, чиркая заметки на полях, со стиснутой челюстью и напряжёнными плечами. Мой мозг, казалось, разделился на отсеки... одна часть работала, другая прокручивала разговоры, третья изо всех сил старалась не задумываться слишком глубоко.

Потому что задумываться сегодня?

Опасно.

Очень опасно.

Мой телефон один раз вибрировал.

Потом снова.

Я не сразу на него посмотрела. Просто уставилась. Позволила ему вибрировать. Позволила подождать. Потому что иногда, подняв трубку, ты меняешь всё. А я не была уверена, что у меня снова хватит эмоциональных сил на это «всё».

Но третья вибрация сломила меня.

Я вздохнула, бросила ручку на стол и потянулась за телефоном, потирая висок, прежде чем ответить.

– Привет, мам. Мы же буквально закончили говорить часа

три назад.

Её голос прозвучал тёплым. Знакомым. Мягким так, что у меня в груди всегда что-то расслаблялось.

– Фина.

Вот и всё.

Это единственное слово.

И вдруг я больше не была женщиной, сидящей в стеклянном офисе с видом на город.

Я снова была просто её дочерью.

Просто Финой.

– Ты поела? – тут же спросила она.

Я слабо рассмеялась. – Конечно, это твой первый вопрос.

– Отвечай.

– ...Нет.

Пауза.

Затем вздох.

Долгий. Всезнающий. Драматичный.

– Серафина.

– Я поем позже, – быстро сказала я, уже защищаясь. – Я работаю.

– Ты всегда работаешь.

– Я кое-что строю.

– А ещё ты голодаешь.

Я закатила глаза, но всё равно улыбнулась, откидываясь на спинку кресла. Кожа под мной тихо скрипнула.

Я рассказала ей о дне... не всё, не грязные подробности,

не то, чего я и сама ещё не понимала. Но достаточно. Достаточно, чтобы она уловила тяжесть за моими словами.

Она всегда улавливала.

– У тебя усталый голос, – в какой-то момент тихо сказала она.

Я уставилась в потолок.

– Я в порядке.

– Хм-м.

Это хмыканье.

Это материнское хмыканье.

То самое, которое говорит: «Я тебе не верю, но позволю притворяться».

Затем её голос смягчился.

– Я скучаю по тебе, – добавила она.

У меня сжалось в груди.

– Я тоже по тебе скучаю.

Мы на мгновение замерли, обе дыша в пространство между словами.

К тому времени, как мы закончили разговор, у меня на сердце было одновременно и тяжелее, и легче.

Забавно, как это работает.

Я медленно положила телефон и просто сидела.

Неподвижно.

Тихо.

Позволяя всему улечься.

Затем реальность подкралась обратно, как незванный

гость. Папки. Сроки. Встречи. Обязанности. Я медленно выдохнула и снова взяла ручку. Режим работы. Переключатель щёлкнул. Часы слились воедино. Только так я могла это описать.

В одну минуту я просматривала контракты, в следующую – подписывала документы, а в следующую – печатала электронные письма так быстро, что у меня чуть не свело пальцы.

Время свернулось само в себя.

Где-то между делом Роуз появлялась и исчезала, как очень энергичный призрак.

– Пей воду.

– Ты поела?

– У тебя такой вид, будто ты замышляешь мировое господство.

– Хотя бы моргни, пожалуйста.

Каждый раз я отмахивалась от неё, не отрывая взгляда. Каждый раз она картинно уходила. И каждый раз всё равно возвращалась. В какой-то момент я ослабила пиджак и закатала рукава, оперевшись локтем на стол, пока пробежала глазами очередной отчёт.

Мои глаза горели.

Шея болела.

Желудок всё ещё был пуст.

Но я продолжала. Потому что остановиться казалось... опасным. Остановиться означало думать. А думать означало чувствовать. А чувствовать сегодня? Нет, спасибо.

Я сжала губы и подписала ещё одну страницу.

Кабинет казался теперь более тусклым, солнечный свет сменился на что-то более мягкое, прохладное. Вечер подкрадывался медленно и неотвратимо.

Я не заметила, как замедлилась моя рука. Не заметила, как уплыли мои мысли. Не заметила тот момент, когда моя ручка зависла в воздухе, так и не коснувшись бумаги.

Пока не заметила.

Я уставилась на незаконченную подпись.

А потом я просто... остановилась.

На краткий миг всё внутри меня затихло.

Не тяжёлая тишина.

Не удушающая тишина.

Просто безмолвие.

И в этом безмолвии я улыбнулась. Мягко. Устало. А потом дверь распахнулась. Я даже не вздрогнула. Потому что только один человек в этом мире так открывал двери.

Я медленно вдохнула.

И улыбнулась.

Затем я уронила ручку.

Роуз стояла там, слегка запыхавшись, с широко раскрытыми глазами, а энергия от неё исходила, словно электричество.

Она картинно упёрлась руками в колени, переводя дух, будто пробежала марафон, а не прошла по коридору.

– Роуз... – медленно произнесла я спокойным, подозри-

тельно спокойным голосом. – Что теперь?

Она выпрямилась, приложила руку к груди и указала на меня, будто сообщала новость, меняющую жизнь.

И без всяких предисловий она сказала:

– Тебя требуют генеральные директора.

Глава 55: Месишь по яйцам

От лица Серафины

– Генеральные директора требуют тебя.

На мгновение я и вправду подумала, что у меня в мозгу что-то замкнуло.

Словно я услышала слова, но они не дошли до меня. Они просто повисли в воздухе между нами, лёгкие и безобидные, будто не были способны разрушить мой покой меньше чем за три секунды.

Затем мои пальцы замерли над папкой, лежавшей передо мной.

Совершенно неподвижно.

Прямо посреди движения.

Словно кто-то нажал на паузу для моего тела, пока разум продолжал работать.

– Что? – медленно спросила я, поднимая голову, и мой голос слегка тянулся, будто я очнулась от чего-то тяжёлого. – Погоди... что ты только что сказала?

Роуз моргнула, глядя на меня.

Не растерянно. Просто слегка удивлённо.

Словно она ожидала дерзости. Шутки. Может, драматичного вздоха и закатывания глаз. А не этой... неподвижности.

– Ты нужна в зале для руководства, – повторила она, на этот раз мягче, словно смена тона могла помочь проглотить

эти слова.

Зал для руководства.

И вот оно.

Это падение.

То ужасное, безошибочное ощущение, когда всё внутри обрывается, – резкое и мгновенное, словно шаг на ступеньку, которой нет. Мой пульс пропустил удар, а затем снова забился – громче, тяжелее, внезапно слишком ощутимо в груди.

Я уставилась на неё. – Причину... причину назвали?

Потому что это было важно. Важнее, чем следовало. Если это по работе – отлично. Работу я могу делать. Я преуспевала в работе. Работа была безопасной, предсказуемой, контролируемой.

Если же нет...

Роуз медленно покачала головой.

А затем... конечно же, улыбнулась.

Той самой мягкой, дразнящей улыбкой, которая появлялась у неё всегда, когда она собиралась сказать что-то несерьёзное в самый неподходящий момент.

– Полагаю, они заметили твою гениальность.

Я чуть не фыркнула.

Вообще-то, я и фыркнула. Тихий, уродливый звук, вырвавшийся прежде, чем я успела его сдержать.

– Гениальность, – пробормотала я себе под нос, и слово на вкус было сухим и саркастичным.

Ага. Конечно.

Гениальность.

Не тот факт, что последние несколько дней я оттачивала искусство быть невидимой. Не просчитанные маршруты. Перерывы по расписанию. Стратегический выбор лифтов. Не то, как я в совершенстве овладела умением покидать комнаты за пять секунд до того, как в них входила опасность в идеально сшитом костюме и с ухмылкой.

Гениальность.

Не тот факт, что я активно избегала трёх ходячих катастроф, окутанных обаянием и хаосом. Не то, как моё тело научилось чувствовать их присутствие прежде, чем глаза успевали их заметить. Не то, как каждый раз, когда я думала, что в безопасности, один из них появлялся из ниоткуда, словно призрак с дорогим одеколоном и намерениями, от которых у меня в мозгу происходило короткое замыкание.

Гениальность.

Я уронила ручку и слегка откинулась назад, прижав пальцы к виску и медленно массируя его круговыми движениями, будто это могло вернуть хоть какой-то смысл в происходящее.

Это было плохо.

Нет, это было очень плохо.

Я уже это чувствовала. То медленное, подкрадывающееся напряжение, что скручивалось внизу живота, туго и терпеливо, словно что-то, свернувшееся в клубок в ожидании. То напряжение, которое всегда появлялось перед тем, как что-

то пойдёт не так. То, что никогда меня не обманывало.

– Я вернусь так быстро, как смогу, – услышала я собственный голос, и самым странным было то, насколько спокойно он звучал. Отстранённо. Словно я слушала, как кто-то другой говорит моим голосом.

Роуз тут же кивнула. Слишком легко. Совершенно не подозревая, что только что вручила мне тикающую бомбу под видом уведомления о встрече.

– Хорошо, – весело сказала она.

Я отодвинула стул и встала.

Слишком быстро.

Колёсики мягко заскрипели по полу, и внезапно я стала сверхосознанно воспринимать всё – воздух, свет, глухое гудение кондиционера и, прежде всего, биение собственного сердца. Громкое. Тяжёлое. Если честно, слегка драматичное.

Почему моё сердце всё это вытворяет?

Это просто встреча.

Обычная встреча.

С обычными людьми.

Вот только они не были обычными.

И ничто, связанное с ними, никогда не было обычным.

Я схватила телефон со стола, даже не взглянув на экран. Мне просто нужно было что-то держать в руке. Что-то твёрдое. Что-то, что придавало бы уверенности. Чтобы я не выглядела так, будто иду на казнь совершенно безоружной.

Когда я вышла из кабинета, коридор показался другим.

Длиннее обычного.

Слишком ярким.

Слишком тихим.

Каждый звук казался одновременно приглушённым и усиленным, словно мир слегка погрузился под воду. Мои каблуки тихо стучали по полу, но в моей голове каждый шаг отдавался эхом громче, чем следовало, будто я шла навстречу чему-то неизбежному.

Что им нужно?

Вопрос проскользнул в сознание тихо.

И остался там.

Зацикливаясь.

Повторяясь.

Что им нужно? Я что-то испортила? Кто-то что-то сказал?

Они заметили, что я их избегаю?

У меня пересохло в горле.

Нет. Успокойся. Тебя заносит.

Может, это и правда по работе.

Может, им нужен отчёт.

Может, это просто бизнес.

Но мой мозг отказывался успокоиться. Он продолжал лихорадочно работать, подбрасывая мне варианты, словно дробинки в темноте.

А что, если это не работа?

Что, если это личное?

Что, если им скучно?

Боже.

Я медленно выдохнула, поворачивая за угол.

Этаж для руководства всегда ощущался... иначе.

Тише. Холоднее. Как-то тяжелее. Словно даже сам здешний воздух был прошит тайнами, пропитан властью и тем, о чём не говорят вслух.

Ковры полностью поглощали звук. Стены из стекла и стали излучали тихий авторитет. Всё было слишком отполированным. Слишком продуманным. Слишком резким.

А в конце коридора... их дверь.

Мои шаги замедлились прежде, чем я успела их остановить. Конечно же, замедлились. Потому что внезапно это уже не ощущалось как обычная ходьба. Это было похоже на приближение к черте. К одной из тех невидимых черт, переступив которую, уже не можешь вернуться назад.

Я остановилась прямо перед ней.

Моё отражение смотрело на меня с тёмного глянца двери... широко раскрытые глаза, собранное лицо, контролируемое дыхание.

Я медленно вдохнула, позволяя воздуху наполнить лёгкие – ровно и глубоко.

– Ты справишься, – прошептала я себе под нос.

Мой голос был тихим. Не дрожащим. Не слабым. Просто достаточно низким и твёрдым, чтобы звучать убедительно. Я справлялась и с худшим. Я переживала и худшее. Трое мужчин не смогут меня сломить. И если они попробуют вы-

кинуть что-нибудь глупое... в голову прокралась порочная мысль, острая и незваная.

Если они перейдут черту... Если скажут какую-нибудь чушь... Если один из них ухмыльнётся так, будто ему принадлежит кислород... Тогда ты врежешь им по яйцам.

Тихий, предательский смешок вырвался наружу, прежде чем я смогла его остановить. Я тут же прикрыла рот рукой, расширив глаза от удивления на саму себя.

– О Боже. Ты сходишь с ума.

Я быстро выпрямилась, расправив плечи и силой возвращая всё на свои места. Профессиональна. Собрана. Неприкасаема.

Подбородок вверх. Плечи назад.

Никакого страха.

Никаких колебаний.

Просто ещё одна сотрудница, идущая на встречу.

Я обхватила пальцами ручку... и прежде чем моя смелость успела раствориться в нервозности, я повернула её, толкнула и открыла дверь.

Дверь открылась с тихим щелчком.

Слишком тихим.

Тот тихий звук, от которого всё остальное мгновенно кажется громче... моё дыхание, мой пульс, слабое гудение кондиционера где-то вверху.

Я не вошла сразу.

Я просто... заглянула.

Медленно. Осторожно. Словно комната могла укусить. Мои пальцы всё ещё сжимали ручку, пока я слегка наклонилась вперёд, сначала осматриваясь через узкую щель.

И тут я нахмурилась.

Потому что там было пусто.

Совершенно пусто.

Длинный стол для совещаний тянулся через всю комнату, словно отполированное чёрное зеркало, отражая холодный свет потолочных ламп. Высокие стулья стояли в идеальном порядке. Не тронутые. Неподвижные. Никакого движения. Никаких смещающихся теней. Никаких костюмов. Никаких опасных улыбок.

Ничего.

Мои брови инстинктивно сошлись на переносице.

Так...?

Я распахнула дверь чуть шире, и на одно хрупкое мгновение замешательство вытеснило напряжение в моей груди. Мои каблуки тихо цокнули, когда я вошла, и звук слабо отозвался эхом в слишком тихой комнате.

– Здравствуйте? – негромко позвала я, и мой голос отскочил от стен.

Ответа не последовало.

Последовавшая тишина не была обычной. Это была та тишина, что давит на кожу. Та, что заставляет осознать, насколько ты один в пространстве, которое обычно никогда не пусто.

Я сделала ещё шаг внутрь, потом ещё один.

Мой взгляд метнулся вправо. Затем влево.

Сканируя.

Жалюзи были наполовину опущены, пропуская тонкие полоски дневного света, которые рассекали комнату, словно лезвия. Частицы пыли лениво плавали в лучах, нетронутые, будто здесь часами ничего не двигалось.

Я нахмурилась ещё сильнее.

Это что, шутка?

Мысль промелькнула, резкая и мгновенная.

Потому что это было не смешно. Не после всего. Не после того, как это сказала Роуз. Не после того, как моё сердце вело себя так, будто готовилось к войне.

Я прошла дальше в комнату, теперь шагая осторожно, медленнее, чем раньше. Воздух здесь казался холоднее. Или, может, это была просто я. Может, это место всегда так ощущалось, словно оно поглощало тепло и ничего не отдавало взамен.

Я взглянула на место во главе стола.

Пусто.

Кожаное кресло там выглядело почти насмешливо, слегка повёрнутое, словно кто-то ушёл в спешке или вообще не потрудился прийти.

– Какого чёрта... – пробормотала я себе под нос.

Это не имело смысла.

Они не назначают встречи ради забавы. Они не вызывают

людей, чтобы потом исчезнуть. Если только это не так. Если только это не какая-то бо́льшая игра.

По спине пробежал холодок беспокойства.

Я сглотнула.

Нет. Не накручивай себя.

Может, они вышли. Может, опаздывают. Может, я пришла слишком быстро. Но что-то в этом казалось неправильным.

Теперь я полностью вошла внутрь, и дверь медленно распахнулась шире за моей спиной. Чем глубже я заходила, тем больше казалась комната. Шире. Пустее. Словно я вошла в пространство, не предназначенное для одного человека.

Я снова повернула голову.

По-прежнему ничего.

Тишина начинала становиться слишком напряжённой. Теперь я слышала собственное дыхание. Слегка неровное. Слегка громче, чем следовало.

Так... это странно.

Мой живот снова скрутило, и прежнее напряжение медленно и непрощено вернулось, словно тень, возвращающаяся, когда гаснет свет.

Наконец я обернулась, чтобы закрыть дверь.

Просто инстинкт.

Просто привычка.

Потому что внезапно оставлять её открытой показалось неправильным. Беззащитно. Словно стоять спиной к тёмно-

му коридору.

Мои пальцы потянулись к ручке. И именно тогда это случилось. У меня вырвался вздох, прежде чем я успела его сдержать. Всё моё тело мгновенно застыло. Словно молния ударила прямо в позвоночник.

Тепло.

Внезапное.

Слишком близко.

Присутствие. Прямо за моей спиной. Так близко, что я не слышала ни шагов. Ни движения. Ничего. Лишь внезапное осознание того, что кто-то находится в пространстве прямо за мной.

Мои лёгкие забыли, как работать.

Каждый нерв в моём теле вспыхнул одновременно, резко и пронзительно, а по коже яростно пробежали мурашки, когда что-то тёплое коснулось моей шеи сбоку.

Горячее дыхание.

Я застыла... полностью.

Мои пальцы сжались на дверной ручке, но я не могла пошевелиться. Не могла повернуться. Не могла даже нормально моргнуть. Моё сердце так сильно ударилось о рёбра, что стало больно, словно оно пыталось вырваться наружу сквозь кости и кожу.

Как... Когда... Я не слышала.

Мой разум бесполезно метался, мысли сталкивались друг с другом, бессвязные и панические, но тело оставалось ско-

ванным, запертым между инстинктом и шоком.

А затем – голос. Низкий. Близкий. Слишком близкий. Прямо у моего уха.

– Что так долго, госпожа Вейл?

Глава 56: Хотите попробовать, мисс Вейл?

От лица Серафины

– Что так долго, госпожа Вейл?

У меня перехватило горло. Не метафорически. Физически. Словно моё тело забыло об основных механиках дыхания и глотания одновременно.

Я с трудом сглотнула.

В ушах этот звук показался оглушительным.

Слишком громким.

Я попыталась открыть рот, чтобы ответить... что-то острое, что-то резкое, что-то, что помогло бы мне вернуть контроль, но не смогла вымолвить ни слова.

Ни единого слова.

Потому что он был слишком близко.

Невероятно близко.

Его дыхание было тёплым на изгибе моей шеи, намеренным, неторопливым. Это была не случайная близость. Не мимолётная.

Это было намеренно.

А его запах... Бог.

Теперь я ощутила его в полной мере. Чистый. Тёмный. С древесными нотками в основе, чем-то дорогим, но не крича-

щим. Он окутал меня прежде, чем я успела подготовиться, вторгся в мои чувства, проник под кожу, словно у него был ключ.

Сосредоточься, Серафина. Сосредоточься.

Что стало со всеми теми днями, когда ты их избегала? Со всеми осторожными уходами. Выверенными дистанциями. С гордостью, которую ты испытывала, никогда не реагируя. Никогда не отступаясь. Никогда не вздрагивая. Ты говорила, что никогда не покажешь такой реакции при них. Ты обещала себе. И ты, идиотка. Ты забыла самое важное правило.

Никогда не оставаться с ними наедине в одном помещении.

Я чуть не хлопнула себя по лбу прямо там.

Как я могла войти в эту комнату, не проверив всё как следует? Не подумав? Я вошла как дилетантка.

Ошибка новичка.

Мой пульс забился сильнее.

Я заставила себя тихонько кашлянуть, чтобы нарушить тишину, пытаюсь вернуть хоть каплю достоинства, хоть какой-то контроль над телом, которое решило меня предать.

Затем я повернулась. Медленно.

И вот он.

Дрейвен.

Возвышался надо мной, будто комната была построена вокруг него. Он не отступил. Не создал дистанцию. Он просто стоял там, достаточно близко, чтобы я чувствовала исходя-

щее от него тепло, ровное и осязаемое.

Я снова сглотнула.

Казалось, мои слюнные железы заработали на полную мощность, словно тело не знало, паниковать ему или...

Нет.

Не заканчивай эту мысль.

Сначала его тёмно-карие глаза встретились с моими.

Не мягкого карего оттенка. Не тёплые.

Тёмно-карие, почти переходящие в чёрный, пронзительные и оценивающие, словно он не спеша считывал каждую вспышку эмоций на моём лице. В его взгляде было что-то тревожное... не торопливый, не жадный, а просто... уверенный.

Уверенный в том, что я не сбегу.

Уверенный, что не смогу.

Его челюсть была напряжена, но в то же время расслаблена, а лёгкая тень щетины подчёркивала её так, что это выглядело небрежно, но определённо таковым не было. Его волосы были слегка взъерошены, и тёмные пряди спадали ровно настолько, чтобы он выглядел менее корпоративно и более опасно.

А его рубашка... я не должна была её замечать.

Но я заметила.

Ткань слегка натянулась на его плечах, когда он пошевелился, и я не могла не заметить, как под ней двигались мышцы. Не преувеличенно. Не играя ими. Они просто бы-

ли. Крепкие. Ощутимые. Такое телосложение, которому не нужно красоваться, потому что в этом нет необходимости.

Мой взгляд опустился.

Всего на секунду.

Затем ниже.

Его грудь медленно поднялась на сдержанном вдохе. Воронник рубашки был расстёгнут ровно настолько, чтобы намекнуть на кожу под ним.

Зачем ты смотришь? Отвернись. Сейчас же.

Но мои глаза снова меня предали. Они скользнули вниз. А потом обратно вверх. А затем... его губы.

Бог.

Полные.

Не улыбающиеся.

Но и не бесстрастные. В них что-то было. Что-то неуловимое. Уголок губ вот-вот готов был изогнуться в улыбке, словно он точно знал, что делает со мной, и получал от этого слишком большое удовольствие.

Не думая... Без разрешения, я облизнула губы. Мягко. Подсознательно. Просто быстро провела языком по сухой коже. И я это увидела. Эту вспышку в его глазах. Перемену. Жар, от которого его взгляд потемнел ещё больше.

Из его горла вырвался тихий смешок. Не громкий. Не насмешливый. Просто низкий и хриловатый, словно гравий скользнул по бархату. От него по моему позвоночнику что-то пробежало. – Вы выглядите нервной, – пробормотал он,

и в его спокойном голосе слышались опасные нотки.

– Вовсе нет, – быстро ответила я.

Слишком быстро.

Мой голос прозвучал немного сбивчиво, и я ненавидела себя за то, что он, вероятно, это заметил. Он слегка наклонил голову, изучая меня так, будто я была интересной задачей, которую он намеревался решить медленно.

– Правда? – спросил он, делая крошечный шаг ближе.

Этот крошечный шаг показался огромным. Пространство между нами практически исчезло. Теперь я без сомнений чувствовала жар его тела. Моя спина едва коснулась двери позади, и до меня дошло: я в ловушке.

Моё сердцебиение отдавалось повсюду. В груди. В горле. В ушах. – Вы меня вызвали, – сумела выговорить я, заставляя голос звучать ровнее. – Я пришла.

Его взгляд метнулся к моим губам. Затем снова к глазам. – И всё же, – мягко сказал он, – у вас такой вид, будто вы подумываете сбежать.

Я слегка выпрямилась, хотя идти было некуда.

– Я не сбегаю.

Пауза.

Его взгляд снова опустился. На мои губы. Медленный. Намеренный. Воздух изменился. Сгустился. Он слегка наклонился, не касаясь, не совсем, ровно настолько, чтобы его присутствие полностью поглотило пространство вокруг меня.

У меня перехватило дыхание, прежде чем я успела это остановить.

Он заметил.

Конечно, заметил.

Его большой палец легко скользнул по краю двери рядом с моим плечом, запирая меня, но при этом не касаясь.

– Не стоит так облизывать губы, – тихо сказал он.

У меня всё внутри перевернулось.

– Я не облизывала, – прошептала я.

Снова тихий смешок.

Он наклонился ближе. Так близко, что я могла разглядеть тонкую морщинку в уголке его рта, когда он почти улыбнулся. Так близко, что я снова почувствовала, как тепло его дыхания скользит по моей коже.

– Лгунья, – пробормотал он.

Мой разум кричал, чтобы я отстранилась. Оттолкнула его. Вернула контроль. Но тело отказывалось подчиняться. Оно оставалось на месте. Словно приросшее к полу. Осознающее. Сверхосознающее.

Его взгляд удерживал мой одну долгую секунду. Две. Затем его глаза снова метнулись к моим губам. И эта едва заметная усмешка вернулась на его губы.

– Хотите попробовать, госпожа Вейл?

Мой мозг отключился.

Словно кто-то выдернул его из розетки реальности и оставил меня стоять здесь, не чувствуя ничего, кроме жара, па-

ники и рёва собственного пульса в ушах.

Мои щёки мгновенно вспыхнули.

Не потеплели. Запылали. Тот самый жар, что зарождается где-то глубоко внутри и быстро распространяется, ползёт вверх по шее, заливает лицо, оседает за глазами, пока ты не начинаешь мучительно осознавать каждый сантиметр своей кожи.

Я открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

– Да, – выпалила я.

И тут же: – Нет.

Мой голос дрогнул. Я зажмурилась. Унизительно. Абсолютно унизительно. – То есть да... нет... я... – я резко вдохнула, слова путались. – Это не то, что я...

Бог.

Если бы от смущения можно было умереть, я бы упала замертво на этом полированном полу в кабинете руководства и избавила бы себя от унижения.

Я на полсекунды закрыла лицо руками, но тут же опомнилась и снова опустила их. Никакой слабости. Не прятаться.

Но было слишком поздно.

Он всё видел. Каждую мелочь. Смятение. Панику. То громкое, очевидное недоразумение, в которое мой мозг ринулся без разрешения.

Мне хотелось, чтобы земля поглотила меня целиком. Или ещё лучше... телепортировала в другое измерение. Куда угодно, только не сюда. Куда угодно, только не стоять в па-

ре сантиметров от мужчины, который, казалось, наслаждался хаосом ради развлечения.

С его губ сорвался тихий смешок. Не громкий. Не насмешливый. Хуже. Мягкий. Развлечённый. Опасно развлечённый. И от этого всё стало в десять раз хуже.

– О чём вы думаете, госпожа Вейл? – спросил он низким, вкрадчивым голосом, будто уже знал ответ и просто хотел понаблюдать за моими мучениями.

У меня всё внутри перевернулось.

– Я... – начала я и осеклась.

Потому что как я должна была на это ответить?

О, знаете. Просто подумала, что вы собираетесь до беспамятства зацеловать меня посреди зала заседаний.

Совершенно нормальные мысли. Абсолютно профессиональные. Я с трудом сглотнула, заставляя себя посмотреть на него. Большая ошибка. Потому что мои глаза тут же меня предали. Они опустились прямо на его губы. Затем метнулись обратно к глазам. Потом снова скользнули вниз, словно у них была своя воля.

Бог.

Ну почему я такая.

Его губы слегка изогнулись, не совсем в улыбке, но достаточно, чтобы новая волна жара прокатилась по моему телу.

– Я думала, вы... вы... – пролепетала я, и фраза оборвалась, не успев начаться.

Мой голос затих. Мой взгляд снова меня предал.

Губы. Глаза. Губы. Лицо. Губы.

И знаете, что было хуже всего?

Он заметил.

Конечно, он заметил.

Он замечал всё. Об этом мне сказало то, как слегка потемнели его глаза. Затем он чуть-чуть наклонил голову, словно изучал что-то изящное. Что-то хрупкое. Что-то интересное.

И затем он заговорил.

Спокойно.

Неторопливо.

– Я спрашивал, – медленно произнёс он ровным и размеренным голосом, – не хотите ли вы попробовать торт, который вам принёс Азриэль.

Мой мозг завис.

Секунда.

Две.

– ... Что?

– Торт, – небрежно повторил он, будто не взорвал только что бомбу в моей черепушке. – Это новый вкус, который мы недавно разработали.

В ушах зазвенела тишина. Я смотрела на него. Не моргая. Пытаясь осознать. Не в силах осознать.

Торт?

Мой мозг повторил это слово, словно оно было иностранным.

Торт.

Торт?

Не... Не то, что я подумала. Не это. И даже близко не то, что мой предательский разум нарисовал в ярких, унижительных деталях.

Торт.

Мой рот слегка приоткрылся.

Я не могла этому помешать. Я просто стояла, уставившись на него, словно кто-то выбил почву из-под ног моего достоинства и оставил меня парить в воздухе.

– Вы... имели в виду торт? – слабым голосом спросила я, едва слышным шёпотом.

Одна из его бровей медленно поползла вверх.

– Да, – ответил он, и теперь в его голосе слышалось безошибочное веселье. – Команда кондитеров разработала новый вкус. Азриэль настоял, чтобы вы его попробовали, прежде чем мы одобрим массовое производство.

Массовое производство. Одобрение руководства. Дегустация. Всё это очень нормальные вещи. Всё очень разумно. И всё это очень далеко от скандальной спирали, в которую мой мозг забросил меня тридцать секунд назад.

О мой Бог. О Боже.

Мне хотелось испариться. Распасться на молекулы. Перестать существовать. Я медленно провела рукой по лицу; жар всё ещё полыхал на моих щеках, словно неоновая вывеска, кричащая: «ТЫ ВСЁ НЕПРАВИЛЬНО ПОНЯЛА».

Конечно, он имел в виду торт.

Это компания. Настоящая компания. С продукцией. И процессами. А я тут воображаю себе невесть что.

Теперь я чувствовала на себе его взгляд. Тяжёлый. Сосредоточенный. Он получал от этого слишком много удовольствия. Я медленно опустила руку, всё ещё униженная, всё ещё пытаюсь собрать разлетевшиеся осколки моего самообладания с пола и склеить их обратно.

— Это... — мягко выдохнула я, почти смеясь от неверия. — Это невероятно неловко.

Его глаза блеснули. Он не стал это отрицать. Не стал меня утешать. Не отвёл взгляд. Более того, он шагнул ближе. Совсем немного. Но достаточно, чтобы мой пульс инстинктивно подскочил.

Моя спина всё ещё была у двери. Всё так же некуда идти. Я всё так же остро его ощущала. Всегда слишком остро его ощущала.

А потом он наклонился ровно настолько, чтобы его голос стал ниже, ближе, теплее в пространстве между нами.

— Ваше лицо, — пробормотал он.

Моё сердце пропустило удар.

Его взгляд медленно скользил по моим чертам, словно он запоминал каждую реакцию, каждую вспышку эмоций, которую я не смогла скрыть.

Под его вниманием моя кожа запылала ещё сильнее. А затем, с тихим весельем, от которого по моей спине пробежал очередной холодок, он сказал:

– Ваше лицо такое красное, о чём же вы думали?

Глава 0057: Неужели вам так не терпится нас увидеть?

От лица Серафины

Моё лицо всё ещё пылало.

Это был не милый румянец. И не застенчивый.

А унижительный.

Такой, что взбирался по шее, будто у жара были когти, впивающиеся в кожу и расползающиеся до тех пор, пока даже уши не начинали гореть. Я чувствовала его... это ужасное, пульсирующее тепло прямо под кожей, словно моё тело решило предать меня в самый неподходящий момент.

И он всё ещё смотрел на меня.

Дрейвен даже не пытался это скрыть.

Его взгляд не дрогнул. Не смягчился. Он не делал вид, что ничего не замечает. Если уж на то пошло, он стал лишь острее. Словно он изучал меня. Словно я была реакцией, которую он ждал, чтобы понаблюдать.

– Какое у тебя красное лицо, – медленно произнёс он, и ленивая насмешка в его голосе сочилась, словно мёд с ядом. – О чём ты думала?

У меня перехватило горло.

Скажи что-нибудь. Что угодно.

Но мой мозг, проклятый предатель, был абсолютно пуст.

Потому что стоило мне попытаться о чём-то подумать, как я тут же вспоминала. Как он наклонился ко мне раньше. Как понизил голос. Как воздух между нами стал плотным. Тяжёлым. Неправильным.

Боже.

Я сглотнула.

– Я... – начала я и тут же пожалела об этом.

Мой голос прозвучал тонко.

И, конечно, он это заметил. Дрейвен всегда всё замечал. Одна его бровь медленно поползла вверх, словно у него было всё терпение мира, чтобы наблюдать, как я разваливаюсь на части.

– Что «я»? – мягко спросил он.

Это было ещё хуже.

Эта мягкость никогда не была нежной. Это было любопытство, завёрнутое в опасность. Я отвернулась. Большая ошибка. Потому что в ту же секунду я смогла дышать. А дышать – значило думать. А думать – значило вспоминать, насколько близко он был.

Мои пальцы впились в ладонь.

Это было нелепо.

Я бывала в комнатах, полных мужчин, способных одной фразой разрушить целые компании, и ни разу не чувствовала ничего подобного. Я вела переговоры по многомиллионным контрактам, и мой голос не дрожал. Я затыкала людей одним лишь молчанием.

Но он?

Он просто стоял и каким-то образом разбирал меня на части.

– Я ни о чём не думала, – пробормотала я.

Ложь оставила отвратительное послевкусие, едва сорвавшись с моих губ.

Дрейвен улыбнулся.

Не широко.

Беззвучно.

Лишь медленный изгиб его губ, от которого что-то внизу живота неприятно ухнуло. – Если хочешь меня поцеловать, – небрежно сказал он, словно рассуждал о погоде, – всё просто. Так и скажи.

Внутри у меня всё замкнуло.

Мир не остановился в переносном смысле.

Он действительно остановился.

Шум кондиционера растворился в тишине. Слабое тиканье где-то в кабинете исчезло. Даже моё собственное дыхание, казалось, сбилось и забыло, как существовать.

Мой взгляд метнулся к его глазам.

– Ты...

Жар взорвался на моей коже.

Поцеловать его?

Поцеловать его?!!!!

Он что, спятил?!!!

– Невероятно, – рявкнула я, слова наконец-то вырвались

из меня. Я толкнула его в грудь – не сильно, лишь для того, чтобы создать между нами расстояние. – Не слишком-то о себе возомнил. Ты меня раздражаешь.

Вот так.

Это уже было похоже на меня. Холодная. Резкая. Сдержанная. Броня снова на месте.

Но Дрейвен не шелохнулся. Не отреагировал. Не выглядел оскорблённым. Он лишь ухмыльнулся. Словно ожидал именно такой реакции. Словно всё это было частью какой-то его личной шутки, в которую меня не посвятили.

И, Боже, это раздражало меня ещё больше.

Мои ногти впились в ладонь.

Почему у него всегда был такой вид? Словно он уже знал, что я скажу, ещё до того, как я это говорила. Словно я просто следовала сценарию, который он уже прочёл.

Я ненавидела эту ухмылку. Ненавидела то, как она задерживалась на его лице. Ненавидела то, как от неё мой пульс становился неровным.

Затем он отвернулся.

Вот так просто.

Словно для него этот момент был исчерпан.

И, по-глупому... досадно, у меня сжалась грудь, когда я увидела его спину. Широкие плечи под тёмной рубашкой, ткань слегка натягивалась при движении. Комната вдруг показалась слишком тихой, слишком застывшей, словно между нами в воздухе повисло что-то незаконченное.

А потом я замерла.

Потому что он был не один.

Мои брови медленно сошлись на переносице.

Две фигуры сидели в другом конце комнаты, словно были там всегда.

Словно они были здесь хозяевами.

Люциан откинулся на спинку кожаного дивана, лениво закинув руку наверх и отбивая пальцами медленный ритм. Его лицо было спокойным, непроницаемым, но глаза жили... острые, наблюдательные, не упускающие абсолютно ничего.

А рядом с ним... Азриэль.

Ну конечно.

Он развалился в кресле, как хищник, притворяющийся, что отдыхает. Лодыжка закинута на колено, голова слегка наклонена, а в глазах тот слабый блеск, от которого мои инстинкты всегда начинали вопить.

Веселье.

Чистое, неприкрытое веселье.

У меня всё внутри оборвалось.

Стоп.

Что?

Мой взгляд метнулся от них к спине Дрейвена и обратно. Какого чёрта они здесь делают? Я была уверена, что кабинет пуст. Я бы заметила. Я всегда всё замечаю.

Медленное, холодное и ужасное осознание поползло вверх по спине.

Как долго они там сидели?

Как много они слышали?

О, Боже мой.

Я крепко стиснула зубы.

Смущение тут же переросло в раздражение. Горячее. Резкое. За него было легче уцепиться, чем за альтернативу. Я выпрямилась, вздёрнула подбородок и нацелила на них свой испепеляющий взгляд.

– Вы, должно быть, шутите, – ровным тоном произнесла я.

Три пары глаз обратились ко мне. Это должно было заставить меня дрогнуть. Но нет. Если уж на то пошло, от этого огонь в моей груди разгорелся лишь жарче.

– Вы не можете просто попросить меня прийти, – рявкнула я, и в голосе зазвенела сталь, – а потом исчезнуть, чтобы появиться из ниоткуда, словно какие-то... – я резко выдохнула, обрывая себя. – Что с вами не так?

Губы Люциана дёрнулись.

Действительно дёрнулись.

Словно он сдерживал смех.

Оскорбительно.

Дрейвен не обернулся, но я увидела, как слегка дрогнули его плечи. Не совсем смех. Что-то более тихое. Худшее.

А Азриэль? Азриэль даже не пытался ничего скрывать.

Веселье открыто отражалось на его лице, словно он и не собирался притворяться невинным. В его глазах зажглась та самая знакомая искра... озорство, наслоенное на что-то бо-

лее тёмное. Более глубокое.

Что-то опасное.

Мой пульс участился против моей воли.

Я ненавидела, что замечаю это.

Ненавидела, что моё тело реагировало раньше, чем разум успевал сообразить.

Мой взгляд стал острее.

– Прекрати так на меня смотреть, – рявкнула я.

– Как «так»? – невозмутимо спросил Люциан.

Я проигнорировала его.

Я сосредоточилась на Азриэле.

Потому что каким-то образом в тот момент именно он казался самым опасным. Не потому, что двигался. Не потому, что говорил.

А потому, что не делал ни того, ни другого. Потому что он просто наблюдал. Словно знал что-то, чего не знала я. Словно ждал, когда я сама это пойму.

Тишина затягивалась.

Плотная.

Тяжёлая.

Неловкая.

Я сжала пальцы по бокам, впиваясь ногтями в кожу, и боролась с желанием отвести взгляд первой. Я не стану.

Не снова.

Не с ним.

Медленная улыбка тронула уголок рта Азриэля.

Не насмешливая.

Не жестокая.

Просто всезнающая.

И когда он наконец заговорил, его голос – ровный, низкий, пронизанный тихим весельем – проник мне прямо под кожу.

– Ты и вправду так жаждала нас увидеть?

Глава 58: Ты принадлежишь самому себе

От лица Серафины

Я закатила глаза, прежде чем успела себя остановить.

– Ничего в вас особенного, – пробормотала я себе под нос, но знала, что они услышали. Конечно, услышали. Ничто не ускользало от них. Ни слова. Ни вздохи. Ни слабость.

И всё же я всё равно вздёрнула подбородок.

– Вы хотели меня видеть? – спросила я холодным, сухим, сдержанным голосом. Словно это была просто очередная встреча. Очередное корпоративное обсуждение. Словно моя кожа не покалывала под тяжестью их взглядов.

Словно моё сердце не билось чуть-чуть слишком сильно.

Азриэль ответил не сразу.

Он сделал медленный глоток из стакана в руке, не отрывая от меня глаз. Ни на секунду. Янтарная жидкость ловила свет, но я едва это замечала. Я была слишком поглощена тем, как он наблюдал за мной... не небрежно, не лениво.

Пристально.

Словно читал что-то, написанное у меня под кожей.

– Да, – наконец произнёс он.

Два простых слова.

Но то, как он их произнёс... спокойно, уверенно, застави-

ло что-то тревожное сжаться у меня в груди.

Следующим двинулся Люциан.

Он оттолкнулся от окна, словно гравитация действовала на него иначе. Каждое движение плавное. Выверенное. Хищное в той тихой манере, от которой зудят инстинкты. Он не спешил. Не крался.

Он просто шёл ко мне, словно уже знал, что я никуда не денусь.

– Мы обсуждали твою роль здесь, – сказал он.

Что-то внутри меня туго натянулось.

Я рассмеялась.

Короткий, резкий звук, в котором не было и намёка на веселье.

Конечно, обсуждали.

Конечно, они «обсуждали» меня, будто меня здесь и не было. Будто я была проектом. Стратегией. Шахматной фигурой, которую они могли двигать по доске.

– И? – спросила я, скрестив руки на груди. Ногти впились в кожу ровно настолько, чтобы удержать меня на земле. Ровно настолько, чтобы не дать мне совершить что-то безрасчётное.

Наконец заговорил Дрейвен.

Его губы скривились, но это не было улыбкой. С ним никогда не было. Всегда что-то более резкое. Что-то с острыми гранями.

– Мы считаем, что вы... недоиспользованы.

Слово повисло в воздухе, словно дым.

Я моргнула один раз.

– Недоиспользована, – ровно повторила я.

Люциан шагнул ближе.

Слишком близко.

Его одеколон мгновенно окутал меня... тёмный, дорогой, удушающий. Ощущение, будто стоишь слишком близко к пламени. Ещё не горишь. Но достаточно близко, чтобы знать, что можешь.

– Вы растрчиваете себя в Операционном отделе, – тихо сказал он.

Растрчиваете.

На этот раз слово прозвучало громче.

И в тот же миг я поняла.

Ох.

Ох, это был не комплимент. Не повышение. Это было нечто иное. Нечто просчитанное. Опасное.

Я медленно выдохнула через нос, заставляя себя сохранять бесстрастное выражение лица, даже когда что-то холодное начало расползаться у меня в животе.

– Растрчиваю, – повторила я снова, теперь мягче. Потому что я знала, что это такое. Я знала этот тон. Эту подготовку. То, как осторожно они ходили вокруг да около, не говоря прямо.

Меня не возвышали. Меня затягивали. Глубже. В их мир. В ту извращённую гравитацию, что существовала между ни-

ми троими.

Азриэль поставил свой стакан.

Звон стекла о стол был тихим, но в тишине он прозвучал резко. Окончательно.

– Мы создаём новую должность, – сказал он.

Мне не понравилось, как он это сказал.

Не понравилась уверенность в его голосе. Окончательность. Словно это было не обсуждение. Словно решение уже было принято, а меня лишь сейчас поставили в известность.

– Директор по исполнительным делам.

Я замерла.

Не из-за названия.

Должности меня не пугали.

Власть меня не пугала.

Что меня пугало... так это то, как все трое теперь смотрели на меня. Словно ждали. Наблюдали. Оценивали мою реакцию.

И вдруг воздух стал слишком плотным.

Слишком тяжёлым.

Директор по исполнительным делам.

Это звучало престижно.

Влиятельно.

Эксклюзивно.

И в корне, в корне неверно.

Мой взгляд медленно скользил от одного к другому, пока в груди поднималось что-то холодное и острое.

– Что это значит? – тихо спросила я.

На этот раз ответил Дрейвен.

Он сделал шаг вперёд. Недостаточно, чтобы коснуться.

Ровно столько, чтобы пространство показалось меньше.

– Исключительно для нас троих, – сказал он.

У меня всё внутри оборвалось.

Нет.

Нет, мне не понравилась эта формулировка.

Ни капельки.

– Вы будете... нашей.

Слово ударило меня, как ледяная вода.

Нашей.

На секунду мне показалось, что я ослышалась. Я медленно свела брови, мой разум пытался осознать то, что он только что сказал.

Я моргнула.

Потом ещё раз.

Потому что, конечно же... я ослышалась.

Из меня вырвался недоверчивый смешок, но в нём не было юмора.

– Что? – произнесла я, слово вышло резким, сдавленным. – Я думала, меня позвали попробовать какой-нибудь новый вкус или что-то в этом роде.

Мой голос теперь повышался, сквозь него просачивалось недоверие.

– Так что это такое?

Ответом мне была тишина.

Не пустая тишина.

Тяжёлая тишина.

Та, что подтверждает всё, чего ты не хотел подтверждать.

У меня сдавило грудь. А затем что-то внутри меня изменилось.

Не страх.

Не растерянность.

Гнев.

Горячий. Внезапный. Чистый.

Он распространился по мне, как лесной пожар, сжигая шок, смущение и затяжное напряжение, которое цеплялось за мою кожу с того момента, как я вошла в эту комнату.

Потому что теперь я поняла.

Дело было не в должности. Не в работе. Не в потенциале.

Дело было в контроле.

Во владении.

В трёх мужчинах, привыкших владеть всем, к чему они прикасались, и вдруг решивших, что я – просто ещё одна вещь, на которую они могут заявить права.

Мои пальцы медленно разжались там, где они впивались в руки.

Я опустила их по швам.

И когда я снова посмотрела на них, жар в моей груди превратился во что-то ровное. Опасное.

Что-то моё.

Дрейвен заметил первым.

Я увидела это по тому, как слегка изменилось выражение его лица. Как обострился этот проблеск интереса.

Люциан застыл.

Взгляд Азриэля потемнел.

Хорошо. Пусть видят. Пусть наконец увидят что-то, что не было смущённым, или загнанным в угол, или просто реагирующим.

Я вздёрнула подбородок.

Медленно.

Намеренно.

И когда я заговорила, мой голос больше не дрожал.

Он был тихим.

Но резал чисто.

– Поправлю вас, – сказала я, каждое слово выверенное, ровное, непреклонное.

Мой взгляд скользил между ними, один за другим. Не избегая. Не вздрагивая.

Не уступая.

– Я не ваша.

Последовавшая тишина была наэлектризованной. Тяжёлой. Живой. Но я не отводила взгляд. Не смягчалась. Не отступала. Потому что эта... эта черта имела значение.

Больше, чем работа. Больше, чем власть. Больше, чем та опасная гравитация, что существовала между нами четырьмя.

Сердце колотилось, но позвоночник оставался прямым. И я держала их взгляды, говоря это, ясно и непоколебимо.

– Я принадлежу себе.

Слова не дрожали. Не колебались. Не надломились на полпути, как иногда страх заставляет голоса трескаться.

Они сорвались с моих губ чистыми и острыми, словно выкованные, а не произнесённые. Что-то, что я носила в себе годами и лишь сейчас наконец выложила на стол между нами.

И тишина, что последовала... была другой.

Не враждебной. Не насмешливой. Просто тяжёлой. Словно сама комната замерла, чтобы впитать это. На секунду никто из них не говорил. Никто не двигался. Даже воздух казался неподвижным, густым от чего-то, чему я не могла дать название.

Затем Азриэль кивнул.

Медленно. Не пренебрежительно. Не снисходительно.

Просто... раз.

– Мы знаем, – тихо сказал он.

Эти слова застали меня врасплох. Потому что в них не было насмешки. Не было веселья. Не было вызова. Лишь спокойная уверенность.

Он не отрывал от меня глаз.

– Ты принадлежишь себе, – продолжил он низким, ровным голосом. – И никто у тебя этого не отнимет... никогда.

Что-то в моей груди дрогнуло.

Не смягчилось.

Не совсем.

Но пошатнулось... лишь на секунду.

Потому что я ожидала не этого. Не от них. Не от него. Я слегка нахмурилась, прежде чем смогла себя остановить, и подозрение почти сразу же поднялось снова, вползая в то пространство, где пыталась расцвести неуверенность.

Потому что с ними никогда ничего не было просто.

Ничто не давалось без цены.

Ничто никогда не было просто словами.

– Так для чего всё это? – спросила я, мой голос стал тише, но всё ещё был резким. Всё ещё настороженным.

Я снова скрестила руки на груди, скорее инстинктивно, чем намеренно.

– Я довольна своей должностью, – добавила я. – Я не про-сила ничего нового. Так зачем создавать что-то из ниоткуда... только для меня?

Вопрос повис в воздухе. Потому что под гневом, неповиновением и упрямой сталью в моём позвоночнике... было что-то ещё.

Растерянность.

И я ненавидела, что они могли это видеть.

Дрейвен двинулся первым.

Конечно, он.

Он всегда двигался так, словно точно знал, когда момент меняет свой наклон. Он потянулся к столу за своей спиной и

взял папку... толстую, тёмную, строгую. Таковую, что кричала о подготовке. О планировании. О намерении.

Не об импульсе.

Никогда не об импульсе.

Он шагнул вперёд и положил её передо мной. – Госпожа Вейл, – сказал он гладким, нечитаемым голосом. То, как он произнёс моё имя, заставило что-то сжаться у меня в животе.

Не страх.

Что-то хуже.

Осознание.

Я уставилась на папку, словно она могла укусить.

Затем медленно, осторожно я села. Кожаное кресло было прохладным на спине, что странным образом заземляло. Словно физический акт сидения не давал мне либо уйти... либо сказать что-то, что я не смогла бы взять назад.

Мои пальцы зависли над папкой, но пока не коснулись её.

Вместо этого я подняла взгляд.

На него.

На них всех.

Подозрение заострило мой голос. – Что это?

Дрейвен ответил не сразу. Вместо этого он пододвинул папку немного ближе ко мне. Приглашение или ловушка, с ними трудно было сказать.

Затем он заговорил.

– Мы всего лишь хотим, чтобы вы были ближе к нам, – сказал он.

Простые слова. Слишком простые. Ничего больше, ничего лишнего. В этом-то и была проблема. С ними никогда ничего не было просто так.

Я слегка прищурилась.

Ближе.

Слово эхом отозвалось в моей голове громче, чем следовало.

Ближе означало быть на виду.

Ближе означало доступ.

Ближе означало вовлечённость.

А вовлечённость означала опасность.

Затем вмешался Люциан, его присутствие без усилий заполнило пространство. Он не сел. Не прислонился. Он просто стоял там, наблюдая за мной с той тихой пристальностью, от которой всегда возникало чувство, будто стоишь перед закрытой дверью, зная, что за ней скрывается что-то опасное.

– И определённо без каких-либо обязательств, – спокойно добавил он.

Я почти рассмеялась.

Почти.

Потому что эти слова, исходящие от него... звучали абсурдно.

Без обязательств?

От таких мужчин, как они?

С такой властью, как у них?

Это всё равно что сказать, что огонь не жжётся. Что гра-

витация не притягивает. Что штормы не топят корабли. Мой взгляд медленно скользил между ними, пытаюсь прочесть, что скрывалось под поверхностью. Пытаюсь найти трещину. Подсказку. Правду, спрятанную за тщательно подобранными словами.

Потому что они были осторожны.

Всегда осторожны.

И это делало всё ещё хуже.

Потому что с манипуляцией, облачённой в хаос, легко бороться. Но манипуляция, облачённая в спокойствие? В искренность? В тихий контроль?

Вот это было опасно.

Мои пальцы наконец коснулись папки.

Лишь слегка.

Словно проверяя, настоящая ли она.

Край был прохладным и твёрдым под кончиками моих пальцев, заземляющим и тревожащим одновременно. Доказательство того, что это был не просто разговор. Это не было гипотетически. Это было реально. Подготовлено. Продумано. Спланировано. И почему-то... от этого осознания мой пульс стал громче.

Потому что это означало, что это не было прихотью. Это означало, что они думали об этом. Обо мне. Долше, чем мне было бы комфортно. Я медленно сглотнула, всё ещё глядя на папку, затем снова подняла взгляд.

И вот тогда я это увидела.

Азриэль.

Всё ещё наблюдающий за мной. Всё ещё тихий. Всё ещё нечитаемый в той манере, от которой всё внутри меня теряло равновесие. Он почти не двигался. Не говорил с тех пор. Но сейчас... в его выражении было что-то другое.

Не мягче.

Не добрее.

Просто... глубже.

Словно то, что жило за его глазами, подошло чуть ближе к поверхности. И когда он наконец заговорил, его голос не прорезал комнату.

Он осел в ней. Низкий. Плавный. Намеренный.

Лёгкая усмешка скользнула по его губам... не широкая, не насмешливая. Ровно такая, чтобы что-то сжалось у меня в груди.

И он мягко сказал:

– Но это не мешает вам дать нам знать, если мы вам понадобятся.

Глава 59: Особенно когда это касается тебя

От лица Серафины

Я моргнула раз.

Потом второй.

А потом я и вовсе фыркнула. «Нуждаюсь в тебе?» – недоверчиво переспросила я, и скепсис вырвался наружу прежде, чем я успела его сдержать. «Пф-ф. Размечтался». Мои губы скривились против воли. «Я скорее монаху на исповедь пойду, чем сделаю это».

Тишина.

Опасная.

Потому что вместо раздражения... вместо обиды ухмылка Азриэля лишь расплзлась шире. Ну конечно. Она медленно, лениво растягивалась по его лицу, словно он смаковал каждую секунду моего неповиновения.

«Я припомню тебе это, детка», – пробормотал он.

Я резко повернула голову в его сторону.

Детка?

Ох, ни за что.

Мой взгляд мог бы расплавить сталь. «Не смей меня так называть», – тут же отрезала я. Но это прозвучало совсем не так, как должно было. Потому что вместо того, чтобы отсту-

пить... он подался вперед.

Не физически.

Но своим присутствием. Вниманием. Той тихой, хищной сосредоточенностью, от которой всегда казалось, будто воздух накаляется на градус.

И это было хуже всего. Чем больше я раздражалась, тем более довольным он выглядел. Словно мой гнев был для него топливом. Словно мое сопротивление было представлением, на которое у него билет в первом ряду.

Боже.

Я сделала медленный вдох, заставляя себя не сорваться снова.

Не вступай с ним в перепалку. Не подпитывай его. Ты уже знаешь, чем это кончается.

Поэтому я резко выдохнула и отвернулась.

Стратегическое отступление. Перенаправление. Перефокусировка.

Мой взгляд упал на Дрейвена.

Потому что в отличие от хаоса Азриэля и тихой наблюдательности Люциана, Дрейвен всегда ощущался центром притяжения в комнате. Не громче. Не холоднее.

Просто... тяжелее.

И сейчас ответы были мне нужнее, чем битвы самолюбий.

«Ты кое-что сказал, – начала я, и мой голос звучал спокойнее, хотя под ним все еще вилося напряжение, – о том, что я буду ближе ко всем вам».

Я слегка наклонила голову.

«Ближе в каком смысле?»

Вопрос повис в пространстве между нами.

И впервые с начала этого разговора Дрейвен не ответил сразу. Он наблюдал за мной. Без насмешки. Без вызова. Сосредоточенно. Проницательно, неотрывно и тревожно совсем по-другому. Словно он оценивал не мои слова... а то, что скрывалось за ними.

Затем он заговорил.

«Не в том смысле, о котором ты думаешь», – тихо сказал он.

Мои брови слегка приподнялись. Потому что это было интересно. Он не отрицал подтекст. Он уклонился от него. Осторожно. Намеренно.

«Но мы хотим, чтобы ты всегда была у нас на виду», – продолжил он.

У меня все сжалось в животе.

Всегда.

Это слово прозвучало весомее остальных. Оно не звучало по-деловому. Не звучало как стратегия. Оно звучало... лично. Слишком лично. Мои пальцы слегка сжались на папке, все еще лежавшей у меня под рукой.

«И почему же?» – спросила я.

На этот раз я не стала смягчать вопрос. Не стала его сглаживать. Не стала приукрашивать. Просто позволила ему прозвучать между нами во всей своей неприкрытости. Пото-

му что мне нужно было знать. Не отполированную версию. Не безопасное для зала заседаний объяснение.

Правду.

«Зачем я вам нужна поближе?» — надавила я, понижая и заостряя голос.

Сама того не заметив, я слегка подалась вперед. «Мне нужна веская причина», — добавила я. Затем раз качнула головой. «Нет. Не просто веская». Я встретила с ним взглядом. «Мне нужна превосходная причина».

Комната замерла.

Не затихла... гул кондиционера все еще существовал, слабый шум города все еще просачивался сквозь стекло — но энергия сгустилась. Сконцентрировалась внутри.

Люциан совсем перестал двигаться. Ухмылка Азриэля поблекла ровно настолько, чтобы стать настороженной. А Дрейвен шагнул ближе. Медленно. Неторопливо. Каждый шаг был выверенным, словно он точно понимал, какой эффект производит близость в такой момент.

И что хуже всего?

Мой пульс отреагировал раньше, чем моя гордость.

Предатель.

Он остановился достаточно близко, чтобы мне пришлось слегка приподнять подбородок, дабы не разрывать зрительный контакт. Не вторгаясь в личное пространство. Но близко. Слишком близко для комфорта. Слишком близко для спокойствия.

«А что, если я скажу, что причины нет?» – тихо спросил он.

Слова не ударили громко. Они погрузились. Медленно и глубоко. Словно камень, брошенный в тихую воду. У меня перехватило дыхание, прежде чем я успела это остановить.

Нет причины? Это было невозможно.

Такие люди, как они, ничего не делали без причины. Без мотива. Без рычага давления. Так что, если он это говорил... значит, он либо лгал, либо правда была еще хуже.

Мои мысли лихорадочно заметались.

Если нет причины, значит, это инстинкт. Если это инстинкт, значит, это опасно. Если это опасно... тогда почему я все еще здесь?

Я сглотнула, внезапно остро осознав, как близко он стоит. Как комната показалась меньше, чем несколько минут назад.

Когда я заговорила, мой голос прозвучал тише.

Осторожно. Взвешенно.

«А если ее нет?» – спросила я.

Под столом мои ногти слегка впились в ладонь. Теперь мое сердце билось громко. Не от страха. От предвкушения. От чего-то острого и наэлектризованного, что находилось где-то между конфронтацией и тем, чему я не хотела давать имя.

Взгляд Дрейвена не дрогнул. Не смягчился. Не отступил. Наоборот, он стал лишь глубже. Словно он ждал, когда я это спрошу. Словно именно этого момента он и хотел все это

время.

А затем он наклонился еще на самую малость, и его голос стал ниже, грубее, тише, так, что вопрос ощущался не столько словами, сколько вызовом, брошенным прямо мне в руки.

И он сказал: «Что бы ты сделала?»

Я сглотнула.

И тут же пожалела об этом. Потому что это прозвучало слишком громко. Слишком очевидно. Словно даже это крошечное движение выдало, насколько этот вопрос выбил меня из колеи.

Что бы ты сделала?

Слова все еще отдавались эхом в моей голове, медленные и тяжелые, отказываясь раствориться. Я уставилась на него. Буквально уставилась. На всю абсурдность этого человека. На спокойствие на его лице. На тихую уверенность. На то, как он задавал опасные вопросы, будто спрашивал о погоде.

Кто так делает?

Кто подходит так близко, загоняет в угол тишиной, а потом спрашивает подобное, словно это в порядке вещей?

У меня сжалось горло. Но я отказывалась отводить взгляд. Отказывалась. Потому что это была черта. И я не собиралась ее пересекать. Поэтому я слегка вздернула подбородок, заставляя голос звучать ровно, хотя мой пульс приказа не получил.

«Конечно, я бы отказалась», – сказала я. Твердо. Ясно. Без колебаний. Потому что эта часть была легкой. Это была я.

«То, что вы – генеральные директора, не дает вам права мной помыкать».

Теперь слова прозвучали резче. Сильнее. Опираясь на единственное, что не давало мне потерять почву под ногами... на мою гордость.

Дрейвен не вздрогнул. Не перебил.

Он просто кивнул.

Один раз.

«Согласен», – просто сказал он.

Это сбilo меня с толку больше, чем сбilo бы сопротивление.

Мои брови слегка сошлись на переносице.

Постойте-ка. Это было слишком легко.

Слишком гладко.

Но я все равно продолжила напирать, потому что отступить сейчас было бы равносильно провалу. «И это определенно не дает вам права, – продолжила я, и мой голос напрягся, набирая жар, – ставить мне условия, которых в принципе не должно существовать».

На этот раз я ожидала реакции. Отпора. Ухмылки. Вызова. Вместо этого... он снова кивнул. Медленно. Намеренно. «Согласен».

Я уставилась на него. В полном недоумении.

Что?

Мой разум запнулся.

Все должно было пойти не так. Где была надменность?

Властность? Контроль? Почему он соглашался? Почему он был так спокоен? Станный холодок пробежал у меня по спине.

Он что, психопат?

Потому что, честное слово.

Кто так улыбается? Кто выглядит таким собранным, по частям разрушая чужое равновесие?

Мои глаза слегка сузились, и подозрение теперь быстро нарастало. Это казалось неправильным. Слишком гладким. Слишком тихим. Словно ступаешь на лед, который еще не треснул.

«Мне не нужна эта ваша новая должность», – сказала я наконец.

Без прикрас. Без дипломатии. Только правда. Никто в комнате не шелохнулся. Люциан не сдвинулся с места. Азриэль не перебил. И уже одно это говорило мне, что теперь они слушают очень внимательно. «Раз уж за этим не стоит никакой превосходной причины», – закончила я.

Вот так.

Черта проведена. Ясно. Окончательно. Или, по крайней мере... должна была быть.

Потому что в ту же секунду, как слова сорвались с моих губ, Дрейвен двинулся. Не быстро. Не агрессивно. Но намеренно. И почему-то это было еще хуже. Он шагнул вперед, и пространство вокруг меня внезапно схлопнулось.

Стул показался меньше. Стол – уже. Воздух – гуще. Он

не прикоснулся ко мне. Не повысил голос. Даже не торопился. Но он все равно заключил меня в клетку. Одна его рука уперлась в спинку моего стула. Другая легко легла на стол.

Не ловушка, но достаточно близко, чтобы у меня перехватило дыхание, прежде чем я смогла это остановить.

Боже.

Почему рядом с ним близость ощущалась как давление?

Я заставила себя не откидываться назад. Не съеживаться. Не реагировать. Даже притом, что каждый инстинкт кричал о необходимости создать дистанцию.

Его взгляд впился в мой. Теперь без юмора. Без ухмылки. Лишь что-то темное, непоколебимое, от чего невозможно было отвести глаза.

«Госпожа Вейл», – тихо сказал он.

Мое имя в его устах прозвучало весомее, чем обычно.

Медленнее.

Намеренно.

«Я хочу, чтобы вы кое-что поняли».

Мои пальцы сжались на коленях.

Я молчала.

Не доверяла своему голосу. Поэтому я просто выдерживала его взгляд. Ожидая. И ненавидя ту часть себя, что так внимательно прислушивалась. «Хоть мы и не будем вами помыкать, – спокойно продолжил он, тщательно подбирая каждое слово, – это не значит, что мы не можем устанавливать новые правила».

Правила.

Это слово задело во мне что-то острое.

Мои челюсти тут же сжались.

Правила?

Для меня?

Моя спина выпрямилась.

Гнев вернулся быстро. Горячий. Знакомый. Потому что гнев был проще, чем это непонятное напряжение. «Даже если они касаются меня?» – спросила я, и мой голос теперь был тихим. Не громким. Не взрывным. Но напряженным. Словно что-то, свернувшееся кольцом прямо под поверхностью. Как предупреждение. Как черта, которую я вызывала его пересечь.

И он не колебался. Не сделал паузы. Не смягчился. Он просто кивнул один раз. Спокойный. Уверенный. Непоколебимый.

«Да», – тихо сказал он.

А затем, не разрывая зрительного контакта, его голос понизился ровно настолько, чтобы слова прозвучали весомее, чем должны были.

«Особенно, когда это касается вас».

Глава 60: Почему они не хотят оставить меня в покое?

От лица Серафины
Я была ошеломлена.

По-настоящему ошеломлена.

Не тот картинный шок, который разыгрывают напоказ. Нет. Этот был из тихих. Из опасных. Из тех, когда всё внутри замирает, а мозг отчаянно пытается успеть за происходящим.

Я просто смотрела на него.

На спокойствие на его лице. На уверенность в его глазах. На то, как он говорил, будто всё уже решено. Во что они играют? Потому что это больше не походило на разговор.

Это походило на медленно сжимающуюся ловушку, которую я заметила, лишь когда она почти захлопнулась. Мысли путались, спотыкаясь одна о другую.

Правила. Ближе. Новая должность. Особенно, когда это касается тебя.

Слова продолжали повторяться, крутятся в моей голове, как заезженная пластинка. Прежде чем я успела собраться с ответом, Дрейвен заговорил снова.

– Тебе не обязательно соглашаться прямо сейчас.

Его голос снова стал нейтральным. Ровным. Профессио-

нальным. Словно последних нескольких минут и не было. Словно он не выбил только что почву у меня из-под ног, лишив всякого чувства контроля. «Просто посмотри папку, которую я тебе дал, – спокойно продолжил он. – И дай ответ через два дня».

Два дня.

Сорок восемь часов.

Это всё, что он мне дал, чтобы осознать... что бы это ни было. Мои губы приоткрылись, но я не произнесла ни звука. Потому что что я должна была сказать?

«Нет»? «Почему я»? «Вы с ума сошли»?

Ни один из вариантов не казался достаточно веским. Ни один не казался достаточно безопасным.

– Можете идти.

И вот так просто он отступил.

Пространство вокруг меня мгновенно расширилось. Словно воздух ворвался обратно в лёгкие, которые даже не осознавали, что задыхаются.

Но больше всего меня выбило из колеи... его лицо. Пустое. Ни ухмылки. Ни тени веселья. Ни намёка на жадность. Ничего. Просто... непроницаемое. Словно он уже сказал всё, что нужно. Словно решение уже было принято за пределами этой комнаты. Это пугало меня больше, чем все его поддразнивания.

Потому что я больше не могла его прочесть. А я ненавидела не уметь читать людей. Я медленно отодвинула стул и

встала. Ноги казались странными. Слишком лёгкими. Слишком тяжёлыми. Словно не моими.

Я медленно вдохнула, вталкивая воздух в лёгкие.

– Хорошо, – тихо сказала я, хотя и сама не была уверена, соглашаюсь ли я или просто сбегаю. Никто меня не остановил. Никто не окликнул. Эта тишина последовала за мной, как тень, когда я повернулась и пошла к двери.

Я чувствовала их за спиной. Всех троих. Они не касались. Не говорили. Просто смотрели. И почему-то это было хуже всего. Мои пальцы чуть крепче сжали папку, когда я потянулась к ручке двери.

Не беги. Иди спокойно. Ты не добыча.

Я открыла дверь и вышла.

И только когда она захлопнулась за моей спиной, я наконец смогла нормально вздохнуть. Коридор показался холоднее. Ярче. Слишком обычным. Словно мир ничуть не изменился, пока мой сошёл со своей оси. Я шла быстро. Не бежала. Но была близка к этому. Каблуки резко цокали по начищенному полу, каждый шаг громко отдавался в тишине.

Я не останавливалась. Не замедлялась. Не оглядывалась. Потому что какой-то глубокий внутренний инстинкт шептал: «Остановишься – и развалишься на части». К тому времени, как я вернулась в свой кабинет, мой пульс всё ещё был неровным. Я быстро толкнула дверь и шагнула внутрь.

Пусто.

– Слава Богу.

Ни Роуз. Ни свидетелей. Ни вопросов.

Облегчение нахлынуло так внезапно, что я едва не сползла по двери. Я даже не стала сразу садиться. Просто подошла прямо к столу и бросила на него папку. Она приземлилась с глухим стуком.

И я замерла.

Мой взгляд тут же приковался к ней. К этой дурацкой папке. Такой обычной на вид. Просто бумага. Просто чернила. Но она лежала там, словно живая. Словно дышала. Я не прикоснулась к ней. Не смогла. Потому что внезапно я не захотела знать, что внутри. Не захотела ответов. Не захотела правды. Потому что всё, что там написано, сделает это реальным.

А сейчас?

Крошечная, хрупкая часть меня всё ещё хотела притворяться, что это какое-то странное недоразумение.

Я медленно опустилась в кресло. Кожа показалась слишком холодной на спине. Слишком жёсткой. Всё было не так. Мои пальцы зависли над столом. Отдёрнулись. И снова зависли.

Трусиха.

Я резко выдохнула и запустила обе руки в волосы, крепко сжав пряди. «Это идёт не по плану», – пробормотала я себе под нос.

Мой голос звучал хрипло.

Неуверенно.

И я ненавидела это.

Ничего не идёт. Ничего!

Я наклонилась вперёд, оперевшись локтями о стол, и продолжала смотреть на папку так, словно она взорвётся, если я моргну. Всё должно было быть не так. У меня был план. Очень простой... Усердно работать. Оставаться невидимкой. Избегать их. Выжить.

Вот и всё.

В этом и заключалась вся стратегия. А теперь? Теперь всё ускользало. Смещалось. Давало трещины так, что я не могла это контролировать. Я издала дрожащий смешок, который показался мне чужим.

– Два дня, – прошептала я.

Два дня, чтобы решить, подойти ли ближе к тому, от чего я всё это время бежала. Два дня, чтобы либо защитить свой покой, либо разрушить его. Два дня, чтобы выбрать между безопасностью и чем-то опасно неизвестным.

У меня скрутило живот.

Я снова посмотрела на папку. На этот раз по-настоящему. Словно она могла внезапно всё объяснить сама. Словно могла прошептать ответ, если я буду достаточно пристально смотреть.

Не прошептала.

Она просто лежала.

Безмолвная. Тяжёлая. Пугающая.

Грудь сдавило.

Тысяча вопросов давила на рёбра изнутри, умоляя выпу-

стит их наружу.

Почему я? Почему это? Почему сейчас?

Я с трудом сглотнула, пальцы на столе сжались в кулаки. Потому что именно этого я не могла понять. Не должность. Не власть. Даже не их самих. А это... Эту одержимость. Это притяжение. Это неослабевающее внимание. Мой голос стал тише.

Ещё тише. Едва громче шёпота.

– Почему они не хотят оставить меня в покое?

Слова повисли в воздухе, хрупкие и обнажённые. Я смотрела на папку, будто она лично меня предала. Будто в ней хранились ответы, которые я слишком боялась прочесть. В горле пересохло. И прежде чем я смогла остановить себя, прежде чем смогла проглотить вопрос обратно, туда, где ему и место, я прошептала:

– Почему?

Глава 61: Ей не было суждено стоять рядом со мной

От лица Лидии

Как только за моей спиной захлопнулась дверь, что-то внутри меня сломалось.

Я даже не помнила, как шла по коридору. Не помнила лифт. Не помнила, как люди пялились, когда я проносилась мимо, словно буря на каблуках и с помадой на губах. Всё вокруг было одновременно громким и приглушённым, будто в ушах ревела кровь.

К тому времени, как я добралась до своего кабинета, меня уже трясло.

Дверь распахнулась с такой силой, что отскочила от ограничителя.

Я швырнула сумку.

Даже не посмотрела, куда она приземлилась. Было плевать. Она с глухим стуком во что-то ударилась и поехала по полу, рассыпав всё своё содержимое, словно мои собственные внутренности вырвали и тоже выбросили вон.

Моя грудь тяжело вздымалась.

А потом это вырвалось наружу.

– Эта стерва!

Мой голос, резкий, уродливый, расколол воздух – доста-

точно громкий, чтобы я поняла: люди снаружи его слышали. Мне было всё равно. Пусть слышат. Пусть подавятся.

– Как она посмела меня унижить?!

Горло горело, пальцы сжимались в кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони. Я всё ещё видела её. Это лицо. Это спокойствие. Эту выдержку.

Эту улыбку.

Эту чёртову улыбку.

В дверях шевельнулась тень.

– Лидия?.. – произнёс нерешительный голос.

Я обернулась и увидела Клару. Она застыла на полпути в кабинет, её глаза расширились, словно она зашла на место преступления. Руки неловко замерли перед ней, будто она не знала, войти ей или бежать.

Она сглотнула. – Ты... знаешь её?

Что-то холодное поползло по моей спине. Медленное. Тяжёлое. Опасное. Я уставилась на неё. Не моргая. Не говоря ни слова. А потом что-то уродливое скрутилось у меня в груди.

– Вон.

Мой голос прозвучал низко. Ровно. Мёртво.

Она моргнула. – Я... я просто подумала...

– Вон.

Её брови слегка нахмурились, на лице промелькнуло недоумение, словно она не понимала, почему воздух внезапно стал колючим, как ножи.

Я шагнула к ней.

И тут я сорвалась.

– ВОН! Убирайся к чёрту из моего кабинета!

Слова вырвались из меня, грубые и яростные, эхом отражаясь от стен. Она физически вздрогнула и отшатнулась, словно я её толкнула. Её глаза расширились, губы приоткрылись – на лице застыл шок. На секунду она просто замерла, будто не могла поверить, что я так сорвалась.

Хорошо.

Пусть видит.

Пусть все видят.

Она развернулась и быстро ушла. Дверь за ней тихо и осторожно щёлкнула, что сделало всё только хуже.

Наступила тишина.

Но это не было умиротворение. Это была удушающая тишина. Я стояла, тяжело дыша и глядя в пустоту. Теперь мои руки дрожали. Не лёгкая дрожь. Настоящая. Такая, которую не скрыть.

– Что она здесь делала?..

Мой голос прозвучал хрипло, едва громче шёпота. Я рассмееялась. Сломленным, безрадостным смехом, который до боли царапал горло.

– Что она здесь делала?

Комната казалась слишком маленькой. Воздух – слишком густым. Словно стены сдвигались. Я запустила руки в волосы, крепко сжав их и слегка потянув, будто боль могла раз-

будить меня от этого кошмара.

– Как?.. – прошептала я, начиная метаться по кабинету неровными шагами. – Какого чёрта эта мразь здесь работает?

Мои каблуки резко, лихорадочно цокали по полу. Взад-вперёд. Взад-вперёд.

– Нет... нет, нет, нет, нет...

Я яростно замотала головой, словно могла вытряхнуть её образ из черепа.

– Это невозможно.

На этот раз слово прозвучало громче, отчаянно, срываясь на края.

Невозможно. Я знала, чего стоило сюда попасть. Я знала. Бессонные ночи. Нужные связи. Компромиссы. Всё, что я проглатывала и о чём никогда не говорила. То, как я отрезала от себя куски и отдавала их, лишь бы подняться на ступеньку выше.

Я знала цену.

А она? Она просто вошла. Словно ей здесь место. Словно у неё есть на это право. Мой желудок яростно скрутило. «Я-то знаю, чего мне это стоило», – пробормотала я, мой голос теперь дрожал, срывался, был неустойчивым. – «Я знаю, что я сделала, чтобы оказаться здесь...»

Моё отражение мелькнуло в стеклянной панели у полки. На секунду я не узнала женщину, смотревшую на меня. Дикие глаза. Слегка размазанная тушь. Идеальная помада, но какая-то неправильная, слишком яркая на фоне моего вне-

запно побледневшего лица.

– Так как? – прошептала я ей. Себе. Призраку в стекле.

– Как?

Грудь сжало, дыхание стало поверхностным.

– Не может быть... – медленно произнесла я. Теперь слова обретали опасную ясность. – Я ни за что не позволю нам быть на одном уровне. Этому пятну. Этой грязи.

От одной этой мысли к горлу подкатила желчь.

Наравне? С ней?

Нет. Нет. Нет.

– Ни за что, – повторила я, на этот раз сильнее. Голос окреп, а ярость заострила его, превратив во что-то более холодное. – Я ни за что не буду стоять здесь и смотреть, как она так улыбается.

Опять эта улыбка. Мягкая. Спокойная. Незапятнанная. Словно она ничего не помнила. Словно её не должны были похоронить в той грязи, из которой я выползла. Мои руки опустились с волос, бессильно упав по бокам.

Я снова рассмеялась, на этот раз тише. Опаснее.

– Эта гордая улыбка... – пробормотала я, скривив губы. – Всё та же.

Ногти снова впились мне в ладони.

– Она не изменилась.

И вот это... это жгло сильнее всего. Не то, что она была здесь. Не шок. А то, что она по-прежнему выглядела чистой. Незапятнанной. Словно мир не протащил её по битому стек-

лу, как меня.

Горло сдавило.

Острое, уродливое чувство продиралось наверх откуда-то из гнилых глубин моей души. Ненависть. Чистая. Горячая. Живая. «Она этого не заслуживает», – прошептала я. Слова выходили медленно, тяжело, растворяясь в воздухе, как яд.

– Она не заслуживает ходить по этим коридорам.

Мой голос снова дрожал, но теперь это была не паника.

Это была ярость.

– Она не заслуживает дышать со мной одним воздухом.

Я подошла к столу, мои пальцы так сильно сжали его край, что дерево под моей хваткой тихо скрипнуло.

Теперь нахлынули воспоминания.

Незванные. Непрошенные. Её смех. Её глаза. То, как люди смотрели на неё. То, как никто и никогда не смотрел на меня. Я стиснула зубы так сильно, что стало больно.

– Ей место лишь в одном месте, – тихо сказала я.

Произносить эти слова было приятно. Они были весомыми. Уверенными. Окончательными. По моим губам медленно расплзлась улыбка, но в ней не было ничего тёплого. Ничего человеческого. Лишь что-то острое. Что-то сломленное. Что-то, что слишком долго ждало этого момента.

– Ей никогда не было предназначено стоять рядом со мной.

Мои пальцы сильнее впились в стол. В комнате стало холоднее. Тише. Спокойнее. Словно весь хаос сгустился в одну

острую, сверкающую точку у меня в груди.

– Ей никогда не было предназначено смотреть мне в глаза.

Мой голос упал до шёпота. Низкого. Уверенного. Смертоносного. «Она заслуживает быть лишь в одном месте...» Я наклонилась ближе к своему отражению, глядя прямо себе в глаза.

И наконец, слова соскользнули с моих губ. Медленные. Удовлетворённые. Уверенные.

– Подо мной. У моих ног, прислуживая мне, как раньше.

Глава 62: Ты всего лишь прошлое

От лица Лидии

– Она заслуживает быть лишь в одном месте... – я наклонилась ближе к своему отражению, глядя прямо в собственные глаза.

И наконец, слова сорвались с губ. Медленно. С удовлетворением. Уверенно.

– Подо мной. У моих ног, прислуживая мне, как раньше. Меня всё ещё трясло.

Не та дрожь, что проходит. Не та, которую можно переждать, сделав вид, что ничего не было. Эта осталась. Засела в костях, словно яд. Мои пальцы всё ещё были сжаты в кулаки, ногти впивались в ладони, будто я пыталась удержать то, что уже треснуло.

– Она – пятно, – пробормотала я, снова зашагав по комнате, слова срывались с губ прежде, чем я успевала их остановить. В тишине комнаты мой голос звучал странно. Слишком громко. Слишком тонко.

– Пятно на этой семье.

Я провела рукой по лицу, резко выдохнув, но это не помогло. Ничто не помогало. Злость не утихала. Она расплзалась. Медленная и горячая, забираясь под кожу.

– И всегда им будет.

Я перестала ходить.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые.

Отвергнутая.

Слово всплыло в сознании и застряло.

Я горько рассмеялась. «Отвергнутая», – прошептала я, ощущая его на языке, как нечто кислое. «Вот кто она».

Воспоминания снова нахлынули, непрошенные, давя на виски. Тот дом. Те длинные коридоры. То, как тишина сидела за обеденным столом, словно третий родитель. То, как от неё отводили взгляды. Но не я. Никогда не я. Я смотрела. Я училась. Я выжила. А она... Она пала. Или, может, просто осталась там, где ей и было место.

– Нищая, – пробормотала я, скривив губы. – Грязная.

Слова казались уродливыми.

И мне было всё равно.

– Ничтожество, – тихо добавила я. – Она – ничтожество.

Я подошла к окну, теперь уже медленно, размеренно стуча каблуками, и каждый шаг отдавался в тишине, словно тиканье часов. Внизу раскинулся город, люди двигались, как муравьи, их жизни бессмысленно сталкивались и расходились.

Отсюда всё такое маленькое.

Сама того не заметив, я обняла себя руками. Стекло было холодным, когда я коснулась его кончиками пальцев. Холодным, как её взгляд сегодня. Это спокойствие. Эта выдержка. Это молчание. Мои челюсти сжались.

– Не смотри на меня так, – прошептала я, мой голос был едва слышен. – Никогда больше не смотри на меня так.

Потому что в её глазах не было страха, как раньше. А это... Это было неправильно. Совершенно неправильно.

Моё дыхание снова сбилось.

– Я пробилась наверх своими когтями, – сказала я, уже громче, слова рвались из самой глубины груди. – Я боролась за каждый сантиметр этой жизни.

Моё отражение тускло смотрело на меня из стекла. И вдруг я снова заговорила с ней. С призраком девушки, которую когда-то знала. «Чтобы стоять здесь, – продолжила я, мой голос дрожал, но был резким, – чтобы стоять на моём месте... ты знаешь, чего это стоило?»

Я с трудом сглотнула.

Ответ обжигал горло.

Потому что я знала.

Боже, я знала.

– И ты думаешь, что можешь просто так войти? – рявкнула я, резко отворачиваясь от окна. – Думаешь, можешь просто дышать тем же воздухом и делать вид, будто ничего не произошло?

Мои руки снова затряслись.

Теперь хуже.

Та дрожь, которую прячешь, сжимая кулаки. Та, что тебя выдаёт. Моя грудь быстро вздымалась и опадала. «Я не позволю», – прошептала я. Обещание ощущалось тяжёлым. Настоящим. Высеченным в чём-то более глубоком, чем гордость. «Я не позволю тебе отнять это у меня».

Я медленно подошла к столу, проводя пальцами по его поверхности, цепляясь за что-то твёрдое. Что-то реальное.

Потому что всё остальное, казалось, плыло.

– Она думает, что может прийти сюда и играть по-честному, – пробормотала я охрипшим голосом. – Будто она не из грязи выползла.

Мои губы скривились.

– Нет.

Слово прозвучало твёрдо.

Холодно.

Окончательно.

– Я знаю, кто ты такая, Серафина.

Произнесение её имени вслух заставило что-то яростно скрутиться у меня в животе. Я не произносила его годами. Не так. Не с такой ненавистью, вложенной в четыре слога. Это было похоже на то, как вскрываешь рану, которая так и не зажила как следует. «Тебе здесь не место, – продолжила я, тише, но оттого как-то опаснее. – Ни в этих коридорах. Ни в этой компании. Ни в моём мире».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.